

АЛЕКСАНДР ЛОБАНОВ

ПАЛАЧ

ЖЕЛАНІЙ

Александр Андреевич Лобанов

Палач желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070059

SelfPub; 2023

Аннотация

Я – Палач Желаний, судья творцов и вершитель судеб! Меня повысили в звании, и теперь для спасения (развлечения) открыта вся страна! Что значит «начальство против, чтобы я целовался с демонами в засос»? И даже оружие массового уничтожать покупать нельзя? Я не виноват! Меня подставили!!! Наверное... Да и по боку! Ща вот закушу галлюциногенными грибочками и пойду защищать страну от всяких там разных... Кто сказал, что ее надо защищать от меня?! Ща я вам покажу, что бывает, когда Палач Желаний выходит на охоту!

Содержание

Пролог или опасности внутренние и внешние	4
Глава 1. Или почему старый враг лучше новых двух? Часть 1.	22
Глава 1. Или почему старый враг лучше новых двух? Часть 2.	40
Глава 2. Или почему нужно правильно готовить грибы? Часть 1.	52
Глава 2. Или почему нужно правильно готовить грибы? Часть 2.	67
Глава 3. Или почему лучшая ложь – это правда?	80
Глава 4. Или почему дома порой опаснее, чем на работе?	91
Глава 5. Или почему окна – это маленькие двери? Часть 1.	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александр Лобанов

Палач желаний

Пролог или опасности внутренние и внешние

Не люблю лес!

Я поёжился и покосился наверх. В считаных сантиметрах над головой – свод из ветвей. Плотный и тёмный. Свет практически не пробивается. Лишь местами видны скудные искорки. Хвоя, словно иглы дикобраза, мало того что торчит с каждой ветви и колется, так стоит мне приблизиться, сыплется дождём со всех сторон, будто специально пытаюсь впиться поглубже. Стволы деревьев, в прямом смысле обложившие меня плотным кольцом, неприветливо-шершавые, того и гляди, пластинки коры попытаются стесать плоть острыми гранями. Гнетущее ощущение собственной незначительности в мире древесных гигантов давит на сознание, вселяет в сердце тревогу... да что там, страх!

Хотя не могу не отметить: воздух приятно пахнет хвоей вперемешку с терпкими отголосками увядающих листьев. А ветви вокруг ритмично покачиваются с шелестом и лёгким поскрипыванием, не дают сознанию сорваться в отчаянье.

Чувствуется жизнь и воля леса.

Пожалуй, я несколько погорячился. К лесу я отношусь спокойно. Зато болота, изредка встречающиеся в глубинах необъятных чащоб нашей страны, я точно не люблю.

Я с усилием вытянул ботинок из вязкой жижи – та нехотя отпустила обувь, смачно чавкнув. При этом вторая нога погрузилась ещё глубже, почти до середины икры. Обувь и брюки не спасти. Тяжело вздохнув, упёрся коленом в бревно и, ухватившись за ветку сбоку, попытался выбраться из болотной жижи. Но на середине процесса недавно освобожденная нога соскользнула со своего упора и вновь погрузилась в топь. Нужно начинать сначала.

И вновь я не прав! Болота сами по себе мне безразличны. Зато змей, которые в них обитают, я не переношу. И если от ужей меня просто бросает в дрожь и становится неудобно, то от гигантских пресмыкающихся, созданных Верой из “деревьев лесных и грязи болотной” по образу и подобию почитаемого в таёжных поселениях духа – покровителя, становится совсем грустно. И грусть эта стремительно перерастает в печаль, если одно из таких существ тебя съело.

Я вновь попытался выбраться, но стоило мне ухватиться за нащупанный выступ, как ветви вокруг дрогнули и зашевелились, едва не раздавив мне пальцы. Змей, внутри которого я находился, очень нервно реагировал на мои телодвижения. В идеале, монстр должен был давно развалиться под воздействием моей способности: иммунитету к воплощению

ям Веры, а если точнее, то её недавнего улучшения, благодаря которому всё в радиусе пары метров от меня получало ту же защиту. Вот только змея-тотема питало на порядок больше Веры, нежели мой иммунитет, потому я мог вызвать у существа лишь дискомфорт – это не позволяло ему перетереть меня на удобрения. Мой максимум, выступать в роли изжоги – от моих прикосновений осыпалась хвоя. Вот что значит глотать не жуя!

Сквозь просвет ветвей и стволов – он же бок лесного чудища – в десятке метров от меня прорвалось несколько языков пламени, осветив утробу существа. Однако прожечь монстра насквозь не сумели, лишь чуть обуглили ветки, да добавили дымного смрада. Зверь дёрнулся, уходя от удара, а я по инерции отлетел в сторону. Послышался скрипуче-трескучий рёв чудища, и меня затрясло – змей двигался.

– Эта тварь не горит... – раздалось сквозь помехи во внутреннем ухе. – Как теперь вытаскивать этого придурка... – и вновь всё поглотил треск помех, заглушив моих “спасителей”, вероятно, на самом интересном месте.

Но главным стало то, что пожавший меня тотемный монстр отвлёкся на внешнюю угрозу, и это дало шанс устроиться в его утробе поудобней. Прореха от огня уже затянулась свежей зеленью, но благодаря ей я успел рассмотреть свою цель и даже рывком до неё добраться – теперь я с усилием выбирался то ли на торчащий корень, то ли на пень, возвышающийся над болотной жижей, на треть заполнявшей

брюхо существа. Удобно, относительно сухо и при тряске не бросает из стороны в сторону, норовя насадить на какой-нибудь сук. Да и от сырого дерева, чадящего дымом, подальше.

Шикарно! Теперь меня не переварят... по крайней мере, быстро. Значит, успею заняться собственным спасением, пока попытки помочь извне окончательно меня не угробили. Вот так всегда: все хотят помочь, а в результате из жопы приходится вылезать самому... в данном случае, возможно, и буквально.

Системный интерфейс, пусть и с помехами, но выводил на сетчатку данные. Сейчас меня интересовали две записи на правой стороне поля зрения:

"Феникс – активен"

И рядом индикатор:

"Рабочая Вера: 1,9986 "

Почти полная свободная Рабочая Вера! Её я могу потратить, чтобы использовать стихийные способности феникса. Да, уважаемый читатель, у меня есть ручной феникс, и зовут его, кстати, Хугин. И хотя феникс имел в запасе стихийную магию, но пользоваться ей я не собирался: даже со всем запасом моей Рабочей Веры Хугин вызовет у этого змея лишь чесотку, раз его не пронял даже мой иммунитет. К счастью, я не герой и не псих (по крайней мере, психиатр этого ещё не доказал), чтобы переть против гигантских монстров с добрым словом и револьвером.

Сейчас мне нужна была от феникса не более чем развед-

ка. Нет, в брюхе у твари мне сложно заблудиться, но интересно, что происходит снаружи. У меня, конечно, имелась в правом верхнем углу зрения карта местности, передаваемая со спутника, но она сразу пошла лесом, ибо разрешение там ни о чём, а дроны поддержки благополучно сгинули в первые же минуты боя.

Усилием воли переключился на зрение феникса, что парил над дендрозмеем. Через взор Хугина я мог наблюдать, как на фоне жёлто-зелёного болота с редкими крючковатыми деревьями мои напарники – они же силовая основа отряда и мои наставники среди Критиков, раз за разом атакуют гигантского древовидного змея длиной более дюжины метров и высотой в два с половиной, пытаюсь освободить меня. Если честно, это тотемное существо на змея походило слабо. Схожесть с безногими пресмыкающимися ему придавал только коричневатый цвет и чешуйчатая структура коры. Он скорее являлся смесью огромной многоножки и ёжика. От многоножки – корни-конечности, с помощью которых существо двигалось и, подозреваю, питалось. От ёжика – куча игл, в качестве которых выступали ветви и даже стволы молодых деревьев, хаотично торчащие из тела существа. При этом древесина выглядела неестественно. Опасно. Хищно. Заострённо. Существо даже время от времени стреляло ветвями.

Вот и сейчас монстр выстрелил сразу десятком кольев в Критиков. Но атака оказалась заблокирована стеной льда,

что, приняв на себя удар, мгновенно разлетелась на осколки-сосульки, полетевшие в монстра. Это развлекался Мор (полное прозвище: Мороженщик). Лысый мужик далеко за сорок, с небольшим пивным животиком, но при этом очень активный и подвижный. Мороженщик полностью оправдывал своё прозвище, раз за разом кидая в монстра сосульки. Те врезались и взрывались, рассекая ветви и стволы. Но пробиться глубоко не могли.

Из того, что я успел узнать о Море за пару дней знакомства: он имел огромное число статей об исследованиях низких температур и о свойствах материи при достижении абсолютного нуля. Способности соответствующие – криомаг. Но природе необходим баланс, даже при применении Веры: Мор управлял и огнём – нужно ведь куда-то отводить тепло при создании зон с низкой температурой? Он ещё воздухом управлять и молнии создавать умеет... хотя это довольно долгий процесс. И сейчас Мор использовал силу не на монстре, а на паре ближайших к нему деревьев. Стволы затрещали, с грохотом взорвались с одной стороны, у самых корней, от распиравшей их изнутри замёрзшей влаги, и, покачнувшись, начали заваливаться на монстра. Мой “хладнокровный” товарищ решил усилить эффект: настоящий буран из снега и льда обрушился на спину змея, сковывая его движения и заставляя оледенеть. Плоть змея не дала добраться удару до меня, но изо рта вырвалось облачко пара.

А Мор для равновесия ударил огненной иглой в голову

змея... Плоть монстра, пусть и с треском, на миг расступилась, пропуская пламя. А через несколько секунд где-то вдали полыхнуло, и эхо грохота заставило меня поёжиться.

Змей в стремлении избавиться от противника Критикам не уступал. Хотя и был довольно медлительным, за счёт своего размера и некоторой привязки к земле, но сумел извернуться и ударил хвостом крио-мага. Тот просто не успевал uklonиться: болото хоть и не глубокое, но тем не менее мешает свободному передвижению.

Вот только удар не достиг цели – его перехватил второй мой напарник. Мужчина чуть за тридцать, с бугрящимися под формой мышцами и двумя мечами в руках, не без напряжения, но всё же смог остановить и отвести в сторону сучковатый ствол, служивший змею хвостом. Позывной Раздолбай – в прошлом профессиональный спортсмен. Олимпийский чемпион по фехтованию. Мастер множества видов клинкового оружия. Став Критиком, он лишь лучше огранил свои таланты. Сила. Ловкость. Чёткость движений, мыслей и реакций. Идеальный боец. С людьми. И в городских условиях.

Адаптироваться к лесной обстановке Раздолбай не успел. Поэтому все навыки помогали Критику лишь выживать в этой кутерьме. Не больше. Даже последний удар вбил бойца в грязь чуть ли не по пояс.

Тем временем подрубленные деревья рухнули на спину монстра... Грохот удара заставил меня подскочить на месте и разорвать связь с фениксом. Меня тряхануло так, что, по

ощущениям, копчик оказался недалеко от шеи. И это при том, что деревья не проломил древесную плоть.

А затем упавшие стволы начали впитываться в тело монстра. Змей же сбрасывал обледеневшие ветви, словно ненужную кожу, благо свежая поросль появлялась буквально на глазах.

И я на своей шкуре ощутил, как чувствуют себя овощи в блендере. Всё трясется. Что-то трещит и грохочет. Мотает из стороны в сторону, и что-то бьётся в самые сокровенные места. А в голове лишь одна мысль: "Зря я ел ту рыбу на завтрак..."

Десяток секунд для меня продлились одну маленькую вечность, после которой я пообещал, что сегодня ужинаю исключительно вегетариански – мечь растениям.

– Если мы не вытащим этого кретина, то нам... – вновь треск помех, который система благоразумно приглушила. Но следующая фраза прорвалась уже через несколько секунд. – На первой совместной миссии! Если мы его вытащим, то я этого полудурка... – я даже улыбнулся про себя.

В самом деле – рекорд. С другими наставниками я хотя бы пару миссий успевал погулять, прежде чем те оказывались на больничной койке или, от греха, превентивно отказывались от меня. Но главное, сейчас мои коллеги успешно противостоят порождению леса. А значит, я пока могу не опасаться, что змей переключит на меня внимание.

Сомневаюсь, что нынешнего паритета сил хватит надол-

го: Критики скоро израсходуют запас Веры, и их поглотят, так же как меня. Рассчитывать на подмогу, увы, не придется: техника и магические артефакты вблизи сильных воплощений Веры, вроде данного монстра, посылали в пешее эротическое видом помех. Даже неубиваемый наруч, изначально заточенный под взаимодействие с Верой, работал с перебоями. Лучшее, на что мы можем рассчитывать, что нас выблюют в жуткой глуши, откуда мы будем выбираться неделю. Собственно, как все те неудачники-браконьеры, которых уже не раз ловили полудохлыми в этом лесу, из-за чего мы и полезли сюда на выяснение ситуации.

Я взглянул на параметры:

"Иммунитет к воплощениям Веры:

Тело 10 ИВ. Разум 5 ИВ. Дух 4 ИВ".

Показатели стабильны. К счастью, от воздействия чужой Веры они не уменьшаются. Их можно только превысить и тем самым добраться до моей тушки.

Чуть ниже другая надпись:

"Уроборос: 10с"

Эта способность, в отличие от остальных моих талантов, никак не связана с моими литературными героями. Это... подарок. Ну хорошо, приобретение в результате почти честного торга. И теперь я могу откатить время на 10 секунд. Очень удобно... правда, не сейчас. Но и очень затратная способность. На эти 10 секунд я потрачу 1 ед Рабочей Веры, и эта единица должна быть всегда в запасе – моё железное пра-

вило против смертельных ударов.

И всё! Мои таланты скорее защитные и мало чем могут помочь. Оружие? Ну, есть у меня револьвер и даже граната. Толку-то от них? Застрелиться? Подорваться? А огнемёт в походный комплект Критика не входит. Даже пилы завалыщей нет, а ножом пилить – приключение для мазохиста. Значит, придётся работать головой. И нет, не биться ей!

Уважаемый читатель, наверно, в некотором недоумении от происходящего? Должен извиниться, что не могу достойно поприветствовать и объяснить весь этот бедлам в своей истории. Но прошу понимания, я немножко пытаюсь выжить. Однако представлюсь: Сергей Кугдыматов – Критик-стажёр по борьбе со злоупотреблением Верой и её неправомерными воплощениями. По мнению автора, главный герой истории... отчего мне не легче. Если возникают вопросы, что за Вера такая и с чем есть Критиков, то вам лучше ознакомиться с моим прошлым приключением как Редактора Веры. Ну, или подождать, пока я выберусь и сумею внятно объясниться.

– Хозяин леса, услышь меня, – возопил я в темноту деревянного брюха чудища. И запел, фальшивя напропалую:

"У меня есть нож, есть арбалет,
Они служат мне уже тысячу лет.
У меня есть лес, и это мой дом,
Всю жизнь обитаю я в нем.

Наверное, странно, когда недавно съеденный ужин начи-

нает петь, но, к счастью, у меня большой опыт сотворения бреда и общения с воображаемыми друзьями, потому общаться без ответа с пустотой для меня привычно. Кроме того, если мои предположения верны, то мне внемлют.

Над кронами леса плывут облака,

Если стреляю, то наверняка...

Одновременно я вновь переключился на зрение Феникса. Бой перешёл в вялотекущую стадию. Критики больше не нападали, а немного отступили за чахлые деревья у кромки болота, экономя силы, при этом что-то обсуждая. Змей тоже не спешил уходить, держа противника в поле зрения, бой оставил на нём следы, и теперь монстр экстренно заращивал себя. А я всё монотонно зывал к “Хозяину леса”.

Моих прежних лет порвана нить,

Я по-новому научился жить,

Человек исчез, его больше нет,

А из тела его демон вышел на свет”.

Классика русского рока – Вера, которая бессмертна, ведь её питают целые поколения, в данном случае сработала как неплохое заклинание призыва. Как я это понял, уважаемый читатель? Редкие голые ветви деревьев над полем боя вздрогнули и тихо заскрипели в такт напеваемой мелодии. Меня услышали!

– Я знаю, что ты достаточно силён, что ты услышал меня, – заговорил я в темноту нутра монстра. – Тебе хватает силы, чтобы ты понял меня. И ты достаточно добр, чтобы

прислушаться ко мне! Выслушай моё слово!

Несколько секунд ничего не происходило, а после... тоже ничего не произошло, лишь наступила тишина. Полная тишина. Замолкли птицы. Не двигались змеи, да и деревья. Кажется, сам мир застыл. Настолько полная и неестественная тишина, что стал слышен стук пульса. Я обрадовался ответу и зачастил:

– Я знаю, что твой слуга не желал причинить мне вреда, поглотив, а лишь защищал... но другие этого не видят. Помоги мне уладить этот конфликт, пока никто не пострадал!

Редкие деревца болота качнулись с ужасающим треском, и с чахлых крон посыпались мусор и редкая труха. А монстр внизу начал сворачиваться в клубок. Неспешно. Неотвратимо. Готовясь к резкому броску.

– Я понимаю твоё недовольство. Ты защищаешь лес. Но это сражение бессмысленно, оно лишь вредит ему. Поэтому я и предлагаю его остановить. Поэтому я и говорю с тобой, пока не произошло непоправимого!

Мои коллеги, увидев подготовку змея, тоже активизировались. Мор припал к болотной жиже, направив свою силу в неё, отчего всё под его ногами начало покрываться инеем. А Раздолбай одним невероятно ловким прыжком забрался на поваленный ствол, который обломанной мачтой торчал ввысь.

– ...вытащим, если потребуется, по кусочкам. Нужно только уничтожить этого монстра... – вновь прорвались пе-

реговоры сквозь помехи. Отлично, похоже, меня списали в утиль и теперь хотят отомстить за меня хорошего любимыми средствами... и эти средства мне явно не понравятся.

Однако сейчас меня больше интересует другое: в нескольких сотнях метров от сражения в воздух поднялась стая ворон и с карканьем начала двигаться к полю боя. А я продолжил вещать:

– Разумеется, сейчас ты победишь! Но что дальше? Сюда придут новые Критики, и они будут лучше подготовлены и озлоблены. Они будут нацелены на сражение. А это новый урон для леса! Я предлагаю помощь. Ты же не злодей в этой истории. Ты защищаешь дом. Я верю, мы договоримся!

Иней покрывал уже площадь радиусом в добрую сотню метров, а земля начала трескаться от холода. Змей, не желая дожидаться атаки, оцетинился ветвями-стволами и распрямился в стремительном выпад. Меня тряхнуло и чуть не скинуло в мутную грязь, но я всё же сумел удержаться и зарорать:

– Ты хочешь, чтобы в подтверждение своих слов я остановил уничтожение твоего леса?

Из замерзшей почвы вверх ударили ледяные шипы, и змей, не имея возможности остановиться, влетел прямо на них, насадившись в полете не меньше, чем на полдюжины. Два морозных шипа прошли меньше чем в десяти сантиметрах от меня. Отломив от одной из ледышек кончик, я нервно зажевал убийственное эскимо, пока змей прорывался сквозь

атаку.

Но Мор и не думал останавливаться – закон сохранения энергии требовал использовать вытянутую из земли энергию... и он, не мелочась, воспламенил все деревья на оледеневшей территории. Более того, он принялся закручивать пламя в алый вихрь с вишнёвыми прожилками, где деревья являлись источником энергии, а извивающийся змей – местом, куда жар сходиллся белым жалом.

Я лишь активнее вгрызся в сосульку, чувствуя, как ноги холодит от оледеневшей болотной жижи, а голова покрывается потом от обрушившейся духоты. А где-то посередине, в области пятой точки – самой мудрой части организма, волосы начали вставать дыбом от ужаса. Что эти отсталые творят?

Нас послали на простейшую разведку, а тут устраивают фаер-шоу! Пожар в тайге – это же катастрофа, которая может выжечь сотни гектаров. И то, что пожар устроили на болоте, лишь усугубляет ситуацию, а что если полыхнёт болотный газ? Торфяники? Хвойная подстилка? Оставалось надеяться, что замороженная земля удержит пламя в границах.

Но ужасаться я мог лишь те мгновения, которые потребовались змею, чтобы вырваться и устремиться к борзому Критику, устроившему верховой пожар. Однако тут уже вступил в бой Раздолбай, спрыгнув с вершины дерева, со всей силой и скоростью врубился в голову змеи. Нет, он её не отрубил и даже не пробил, но инерции удара хватило, чтобы остано-

вить атаку и сделать так, что половина деревянного тела монстра оказалась вновь меж льдом и пламенем.

– Я помогу. Выпусти меня, – прорычал я и закашлялся от дыма, что пробивался сквозь плотное, но всё же неоднородное тело змея. – У меня нет ни малейшего желания испечься.

Змей тряхнул головой, чуть не насадив Раздолбая на колья, но тот успел увернуться. Более того, он подхватил Мора, что из-за своей атаки оказался слишком близко от змея, и поспешил вынести его из зоны поражения. Но змей, не обращая внимания ни на пламя, зацепившееся за его древесное тело, ни на лёд, дравший брюхо, ринулся в погоню за Критиками.

– Что же, я сделаю это. Но ты позволишь нам уйти, – я приложил наспех оторванный от куртки и смоченный в боковой жижке кусок ткани к лицу, защищаясь от дыма, вследствие чего голос мой был неразборчив. – Они никогда больше не вернутся, а я... как ты пожелаешь!

Отлично, теперь нужно, находясь в брюхе пылающего чудища, остановить разбушевавшихся товарищей. Желательно до того, как я задохнусь от дыма. Связи, разумеется, нет... лишь обрывки фраз, которые выглядят словно издёвки. Как я упоминал, туша монстра неплохо экранирует, и потому в чате с коллегами уже зависли неотправленными несколько сообщений. Хотя будь даже связь рабочей, меня бы наверняка не послушали. Критики – те ещё параноики, я уже успел убедиться, что любое проявление Веры они сначала уничто-

жают, а лишь потом изучают. Профдеформация.

К счастью, Хугин может не только быть моими глазами, но и способен на кое-что ещё.

“Коллеги” отступили на несколько десятков метров, и Мор вновь принялся валить деревья, взрывая стволы морозом. Тем самым он пытался задержать змея в ледяном кольце... хотя то почти растаяло, так же, как и пламя стихло. На моё счастье. Но броня змея ослабла, и падающие деревья теперь могли если не разрушить монстра, то хотя бы навредить ему.

Этих мгновений моему Фениксу хватило, чтобы заложить крутое пике и проскочить сквозь остатки огня и льда. В момент, когда Раздолбай вновь принял удар на рапиру, защищая напарника, пока тот создавал очередную пару сосулук, Феникс оказавшись в тылу Критиков. Короткий выплеск энергии, который, как я надеялся, примут за проявление силы змея и показатель Рабочей Веры, сразу просел до 1,0075. Жаль, конечно, Веру, но лучше немного потратиться, чем сдохнуть.

А вот Критиков не жаль – не нужно было меня сегодня игнорировать, а потом ещё и списывать при первой опасности. Не хватало, чтобы они совершили ещё какую глупость, окончательно угробив всех.

Взрыв получился небольшой. Однако ударной волны хватило, чтобы Мор лишился равновесия и концентрации, а Раздолбай запнулся – это стало началом конца. Змей бук-

важно смёл врага, ударил его на развороте деревянным, пылающим боком и впечатал в дерево на скорости экспресса, лишь чудом разминувшись с торчавшей рядом обломанной сухостоиной. И если деревяшка не достала Раздолбая, то кармический баланс вселенной восстановила ветка, упавшая с дерева прямо на голову Критику. Как бы Раздолбай ни усиливал себя, но он всё ещё оставался человеком, потому потерял сознание.

Мор попытался увернуться, даже успел создать ледяное поле, по которому скользнул в сторону. Но змей за считанные мгновения окружил своим тлеющим телом Критика и начал сжимать кольцо. Мор начал возведение ледяного моста из ловушки, но обугленные ветви, торчащие из тела змея разбили заготовку. Тогда он стал создавать вокруг себя ледяной щит.

Я решился вступить ещё раз. Для быстрого создания льда Мороженщику приходится опускать температуру до очень низких значений. А в свободной руке, куда отводилось вытягиваемое тепло, багровел пламенеющий шар. Морю не составляло труда выдержать такой мороз и жар. Было бы странно, если бы он не позаботился о защите организма от перепадов температуры.

Вот только не стоит забывать, что разница температур в атмосфере приводит к разнице электрических потенциалов. Седьмой класс, физика, изучение принципа появления молний. И сейчас эта разница потенциалов была буквально на

противоположных ладонях Мора... фениксу почти ничего не пришлось делать. Лишь слегка подтолкнуть природу к естественному балансу – разряд энергии скрутил Мороженщика судорогой на долгие семь секунд, после чего бесчувственное тело рухнуло на хвойную подстилку леса. А у меня минус ещё 1,0024 из Рабочей Веры.

В этот момент всё застыло. Даже пламя словно стало тише, не зная, что делать дальше. А затем змей отполз чуть в сторону и стал распадаться. Частично на угли, частично на ветви. Частично на мох и болотную жижу, которая волной захлестнула очаги пожара, туша их. Хотя я бы всё равно пригнал сюда профессионалов... меня не отпускает страх за торфяники. Но главное, что в центре стоял я. Целый, пусть немного подранный и подпалённый.

Я огляделся, осматривая место побоища, и не мог не покачать головой и тяжело вздохнуть... вновь закашляться от тяжёлого смрада. Но это не помешало крикнуть вглубь леса:

– Спасибо тебе, “Хозяин леса”. Я выполню своё обещание, этих двоих больше не увидишь в своём лесу. А ты не держи на меня зла.

Сам при этом думал: как мне дотащить напарников до поселения в десятке километров отсюда, где нас ждал вертолёт?

Глава 1. Или почему старый враг лучше новых двух? Часть 1.

– ...Наша последняя атака оказалась успешной, и монстр был уничтожен. Он успел вывести нас из строя, но Несуществующего удалось спасти из ловушки. Как итог, заявляю: Несуществующий не слушает приказов, поступает по-своему, подвергает всех риску – он совершенно неконтролируем. Он некомпетентен. И мы отказываемся дальше с ним работать! – с яростью припечатал Мороженщик.

– Я старался... – протянул я с паскудной ухмылкой. И да, Несуществующий – мой позывной. В честь моей первой книги, а заодно и по причине моего иммунитета к воплощениям Веры.

Кое-что в этом мире никогда не меняется: на меня в очередной раз орала. В кабинете начальства. После нашей эвакуации и оказания первой помощи Мороженщику и Раздолбаю. Кстати, я мог понять лёгкую раздражительность этой парочки: выглядели они просто отвратно. У Раздолбая правая рука загипсована и на перевязи, он хромал, опять же, на правую ногу, а под новенькой формой пару его сломанных рёбер сдавливал бинт. Да глаза чуть косят после удара по голове. Мороженщику на этом фоне почти повезло: лишь волосы дыбом, как ни укладывай, и лёгкая судорога перекаши-

вала его лицо время от времени. Но, возможно, это от нервов.

– Несуществующий, что скажешь в своё оправдание? – спокойно поинтересовалась моя непосредственная начальница, мисс Спектр.

Признаюсь честно, мисс Спектр пугала меня. Ей ничего не стоило уничтожить мою карьеру, чтобы я не смог не только работать Критиком, но и вернуться к Шефу в Редакторы Веры. Не говоря о том, что она может стереть всё моё творчество лишь парой звонков.

Стоило задержать взгляд на ней дольше пары секунд, как система, проведя опознание, вывешивала значок, после клика на который выводила сообщение:

«Позывной: Мисс Спектр.

Должность: Начальник следственного отдела Критиков.

Личные данные засекречены.

Показатель Рабочей Веры: 1200».

Не хватало только таблички: «Добро пожаловать и идите на ху... хутор, бабочек ловить». Удобная вещь – Система!

С тех пор, как в мир пришла Вера, Система стала неотъемлемой частью нашей жизни, да что уж там – она стала частью нас самих. Если уважаемый читатель не знает, то Система – это комплекс программ, которые позволяют систематизировать данные о человеке, его теле, разуме и даже духе. И всё для единственной цели – взять под контроль Веру.

Управляемые Системой проявления Веры не просто поз-

волили выйти на новый уровень отдельным областям науки, технике, медицине и многому другому. Нет. Вперёд шагнуло всё человечество. Правда, за это пришлось заплатить немалую цену в Чёрный месяц – период, когда Систему ещё не создали, а Вера уже пришла.

А чтобы люди быстрее и легче привыкли к новшествам, к Системе подсоединили всё: начиная от телефона и банковских карт, до паспорта и личного доступа в глобальную сеть. Стала доступна дополненная реальность. Удобно, особенно когда нужно быстро и незаметно получить информацию о человеке. Таким, как я – служителям Музы и Фемиды – без Системы вообще никуда.

Но я отвлёкся, уважаемый читатель. Несмотря на холодную тяжесть где-то под сердцем при взгляде на начальство, должен отметить, что мисс Спектр очень обворожительная леди. Хотя она раза в полтора меня старше, невозможно не заметить её статность, обаятельность, красоту... Впрочем, красота – сильно сказано, ибо она поблёлкла под ветрами времени, её укрыли лёгкие тени морщин, особенно заметные в уголках глаз.

Вот только за этой красотой скрывалась трезвая рассудительность в принятии решений и непреклонность в их исполнении. От слухов среди Критиков-следователей о её похождениях в Чёрный месяц кровь леденела в жилах. А блеск лезвия во взгляде намекал, что бумажная работа не сумела затупить закалённый стальной характер и боевой дух.

– Оправдываться за действия идиотов я не собираюсь, – я отвёл взгляд, пытаясь за бравадой в голосе скрыть дрожь. Это как на экзамене: главное не показывать страх, иначе завалят дополнительными вопросами. – Они нас чуть не угробили, и мне лишь чудом удалось спасти ситуацию.

– Да как ты... – Раздолбай в яростном порыве попытался наброситься на меня, но уже после третьего шага его скрутила боль.

Прижав руку к повреждённому боку, он отступил к стене и привалился к ней, тяжело дыша. Крупные капли испарины украсили его лоб. Зрачки разного размера и не сфокусированы. А на повязке, которой обмотали голову, проступила кровь. Даже шутить о том, что для сотрясения у Раздолбая мозгов нет, как-то совестно.

– Что и следовало доказать, – пренебрежительно кивнул я. – Даже сейчас не могут рассчитать силы.

– У тебя, Несуществующий, видимо, свой взгляд на произошедшее? – с коварной вкрадчивостью поинтересовалась начальница. – Не поделишься?

Опасная, по-настоящему опасная женщина, которая своей выдержкой и внутренней силой походила на натянутый лук, готовый спустить стрелу в любой момент. В этом она была подобна хищнику – способная не просто руководить, но и держать в ежовых рукавицах один из самых важных отделов Критиков.

Но как бы я ни любил свою работу, я не боялся потерять

её. Парадоксально, уважаемый читатель? Но зачем мне такая работа, если, поступая по правилам, законам и чести, а главное – поступая разумно, я остаюсь виноватым? Поэтому я не собирался прогибаться под других, тем более, что прав и собираюсь это доказать:

– Повторять, как мы получили задание, прибыли в посёлок со всего-то парой сотен человек населения и провели расследование, не буду. Мои наставники доложили это чётко, и в этой части у них нет ко мне претензий. В крайнем случае видео с глазного нерва, записанное на наруч, подтвердит всё, – Мороженщик нехотя кивнул.

Ещё бы он спорил! По должностной инструкции всё, что происходило во время операций, фиксировалось. И вот тут наручи уже иногда работали против нас. Ведь каждый из них не только содержит Систему, но и подключён ко всем системам организма и даже нервной системе – он почти как дополнительный орган, который не только контролирует Веру, но и соединяет человека со всемирной сетью в режиме он-лайн.

Система, подключённая напрямую к главному и слуховому нерву, позволяла не только посылать видео– и аудиосигналы напрямую в мозг, но и записывать всё, что мы видим и слышим. Если, конечно, не возникали какие-нибудь технические сбои.

Но размышлять об этом сейчас совсем не время, уважаемый читатель. Я продолжил:

– Мы выяснили, что тотемом-охранником деревни является змей, который разделяется с врагами посёлка: браконьерами, незаконными вырубщиками леса, просто преступниками. После этого мы отправились на разведку в лес.

– Где ты буквально через десяток километров и исчез! – не преминул возмутиться Мороженщик. – А ты был нашей основной разведкой – Феникс привязан к тебе. Дроны отправились на другие направления, да и от вертолётa они далеко удалиться не могли. И ты не откликнулся на вызовы. Мы лишь по пеленгу наруча тебя нашли, когда на тебя напал змей!

– Да, я исчез. И да, я вас не предупредил. Тут вины не отрицаю, – даже и не подумал я смутиться. – Но должен отметить, что мы шли широким фронтом «для разведки большей площади», – передразнил я одного из Критиков. – Кроме того, вы отдали абсурдный приказ: «Уничтожить монстра при обнаружении и наличии возможности».

– Это пункт устава! Параграф 14.3: при обнаружении враждебно настроенного воплощения Веры, при наличии возможности, уничтожить опасность. При невозможности – отступить и вернуться с большими силами.

– Согласен, вот только это пункт для «враждебно настроенного воплощения». Мы же ещё не знали, враждебно оно или нет...

– Ты совсем сбрендил? – почти взорвался Мороженщик, не дав мне договорить. – Этот монстр уже искалечил минимум десяток людей! Этого что, недостаточно для враждеб-

ности? Ты совсем...

Тук... Мягкий, едва уловимый звук. Тук. Несмотря на всю лёгкость и воздушность, звук ударов отдавался в сердце болезненным уколом, прорываясь сквозь грохот слов. Тук. Все в комнате услышали звук и помимо воли обернулись к его источнику. Тук. Четвёртый пальчик мисс Спектр коснулся столешницы, прервав все пререкания.

– Хватит, – тихо, со спокойствием затаившейся змеи оборвала пререкания начальница, и мой теперь уже бывший наставник замолк. – Мороженщик, тебе было дано слово и тебя не перебивали, прояви и ты уважение к коллеге.

– Но...

Даже не жест, не взгляд, а лишь глубокий вдох заставил Мора подавиться словами. Начальство было мудрым и позволяло нам пренебрегать субординацией, дабы выплеснуть эмоции, и за дверь мы вышли пусть недовольными друг другом, но коллегами, а не смертельными врагами. Однако начальство не могло позволить другим его перебивать и тем более перечить.

– Оставь возмущения до сдачи отчёта. А он мне понадобится от тебя, как главы группы, в течение часа. Мне ещё предстоит провести неприятный разговор с природоохранными организациями о выгорании нескольких гектаров тайги, – смерив Критика тяжёлым взглядом, она вновь обратилась ко мне: – Несуществующий, продолжай.

– Благодарю, – коротко кивнул я. – Я просто хочу ска-

зять, что все, кого искалечил монстр – криминальные элементы. Жители деревни подтвердили, что те представляли опасность для леса или поселения. Местных монстр не трогал. Да и пара туристов, которых туда каким-то ветром занесло, не испытывали проблем. Потому я руководствовался уставом...

Я сбился, почувствовав, что сказал что-то... непривычное. Я и по уставу? Обычно по нему я получаю только выговоры и зарплату, если она остаётся после покрытия ущерба. Но сейчас не до этого! Я встряхнулся и продолжил:

– Я руководствовался пунктом 23.7: при наличии возможности, установить контакт с воплощением, дабы произвести изучение. Именно поэтому, когда Феникс нашёл змея, я направился к нему, не привлекая коллег, дабы не спровоцировать агрессию.

– Жаль только монстр этого не знал, напал на тебя и сожрал, – не удержал ехидства уже Раздолбай.

– Не совсем. Я сумел беспрепятственно добраться до змея и провести некоторое время рядом, изучая его и пытаюсь наладить контакт. До того, как вы напали без предупреждения... и то, монстр не причинил мне вреда – даже несмотря на мой иммунитет, он мог меня просто раздавить. Но змей проглотил меня целиком, защитив от вашей атаки.

– Это абсурд...

– Абсурд, что вы полезли на него, – начал раздражаться я. – Вы вообще видели его размер? Два метра в высоту. Боль-

ше пятнадцать в длину. Как вы полагаете, сколько Веры требуется для воплощения такого существа?

Позволю себе напомнить, уважаемые читатели, что для простейшего искажения реальности нужно минимум 10 000 мимолётной или 100 Бытовой Веры. Ну или единичка Истинной. Веру вообще делят на три основных вида: Мимолётная Вера – самая слабая, полученная от мимолётных знакомств и испаряющаяся за пару дней; Бытовая – примерно в сотню раз более мощная Вера, полученная от знакомых и коллег, что держится месяцы, а порой и годы; наконец, Истинная Вера – самая мощная, на два порядка превосходящая Бытовую, даруется друзьями, любимыми и семьёй на всю жизнь.

Уважаемый читатель наверняка из контекста истории понял, что такое Вера. Однако на всякий случай поясню: Вера – информационный потенциал, созданный за счёт неопределённости вероятностного поля человека при обращении внимания сторонними наблюдателями, и позволяющий менять мир на субатомном уровне вплоть до законов физики и воплощать изменения в макром мире. Или, проще говоря: способность менять мир за счёт энергии, которую даруют Верящие в тебя.

Вера в нашем мире решает всё. Это ещё лет десять назад мир с содроганием наблюдал, как проходили испытания ядерного оружия в недружественной державе. Оружие массового уничтожения в руках безумцев! Но что, если у каж-

дого человека потенциально за пазухой окажется по бомбе?.. Да, поменьше, но Армагеддон от этого будет лишь ужаснее. Ибо Вера даже законы физики наизнанку выворачивает, что уж там говорить о всяких созданных из деревьев и болотной тины змеях. Если в это, конечно, Верить.

– Если судить по видео, то не меньше 800-900 единиц Рабочей Веры, – заметила мисс Спектр.

– И это только для воплощения! Не говоря уже о поддержании формы и сражении против двух Критиков! И почти победе над ними. А ведь у Мора 86РВ, у Раздолбая 65РВ, если я правильно помню! Думаете, Веры одного посёлка, где и двухсот жителей не наберётся, для этого достаточно?

Мои наставники хмуρο промолчали, понимая, что тут я прав. Но я не собирался на этом заканчивать:

– Ещё большая глупость, что вы считаете, мол, победили змея. Он был лишь марионеткой в этой области для существа куда более сильного. Не более чем сторожевой пёс, охраняющий дом хозяина. Существа, с которым мне удалось договориться и выкупить ваше спасение.

– И что это за существо? – спросила мисс Спектр с толикой интереса в голосе, которая лишь слегка прикрывала профессиональный скептицизм.

– Исходя из того, что меня послушали при вызове – это, скорее всего, леший. Про хозяина леса огромное количество легенд, и рано или поздно он должен был воплотиться. Он властвует над всеми лесными тварями, и подчинение тотем-

ного существа – это в рамках его полномочий. Кроме того... – тут я замялся, но, перехватив лёгкий кивок начальства, решил продолжить: – Я слышал при подготовке о чём-то похожем в лесах Амазонки несколько месяцев назад. Я не знаю, способны ли животные и растения верить. Возможно, их Вера очень слаба... но если она есть, то поскольку лес огромен, это невероятная подпитка для лешего. Поэтому ссориться с ним – самоубийство. Нужно пытаться договориться.

– Ты ещё скажи, что появятся кикиморы и водяные. И прочая нечисть... – усмехнулся Раздолбай. – Восемь лет ничего такого не было, а тут именно для тебя появилось! Или благодаря тебе? – он явно не желал униматься. – Может, это ты его вызвал своими песенками?

Я посмотрел на него с плохо скрываемым удивлением. Один человек может петь что угодно – этого не хватит, чтобы воплотить песню. Нужно хотя бы с десяток людей, а лучше больше... пример тому ночные клубы, где, вопреки запретам, собираются люди и под клубную музыку случаются оргии. Хорошо хоть рокеры оказались более сознательными, а то с их репертуаром открыли бы они портал куда не надо одним концертом.

– Пути Веры неисповедимы. Стоит найти ей объект для фокусировки или достичь достаточной концентрации, как не будет ничего невозможного!

В воздухе повисла тишина. Мороженщик недобро косился на меня. Раздолбай поглядывал, однако скорее задумчиво.

Начальница размышляла, но именно она заговорила первой:

– Я обдумаю всё услышанное. Мороженщик, Раздолбай, можете идти. Обратитесь к нашим целителям за лечением, я выпишу разрешение, – парочка козырнула в ответ и поспешила обратиться из кабинета. Мне же оставалось только переминаться на месте, когда ко мне обратились: – Ты доволен собой, Не-су-ще-ству-ю-щий? – мой позывной растянули по слогам, словно по позвонку выдирая позвоночник.

– Я поступил так, как было нужно. Поголовье идиотов не уменьшилось, – ответил я чуть более резко, чем хотел.

– А вот тебя выгнали уже из третьей команды, и это за две недели стажировки! Рекорд! – мисс Спектр смерила меня недовольным взглядом, а потом откинулась на спинку кресла. Надменное напряжение в её позе сменилось непринуждённой расслабленностью, от которой мне стало совсем дурно. – И что мы будем с тобой делать?

Критики – военная организация с дисциплиной и правилами, но так как здесь работают творцы, то имеются и некоторые нюансы. Например, нельзя просто назначить людей в команду, руководствуясь принципами усиления сильных сторон и перекрытия слабых. Люди должны доверять друг другу, верить друг в друга, иначе команда не сможет эффективно работать.

Объективности ради, Мор и Раздолбай – хорошая команда, матёрые волки... по крайней мере, в сравнении с прошлыми наставничками. Меня передёргивало от одного толь-

ко воспоминания о «юных дарованиях», к которым меня вначале приписали и которых пришлось вытаскивать из оргии на ведьмовском шабаше. Остальные были... скажем так, со своими тараканами.

А я не вписывался в нестандартные стандарты Критиков. Должен признать, что это и моя вина: хотел я того или нет, но в какой-то момент начинал действовать по-своему, проверяя напарников на стрессоустойчивость. Пока никто не выдержал. И если так пойдёт дальше, то, насколько бы перспективным Критиком я ни был, меня могут банально турнуть. Если я не самоубьюсь.

– Может, я поработаю в одиночку? – в очередной раз неуверенно предложил я.

– Ты же знаешь: не положено, – с горестным вздохом посоветовала начальница... хотя я не совсем понял, относилось это к ситуации или к моей непробиваемой тупости. А затем в её глазах мелькнула искорка, от которой в желудке образовался ком: – Хотя... Раз ты так плохо сходишься с людьми...

– Что я могу поделаться, если они идиоты? А так я само обаяние! – я изобразил самую ослепительную улыбку, но хватило одного неодобрительного взгляда мисс Спектр, чтобы голова помимо воли вжалась в плечи. – Спросите девочек из бухгалтерии, я правда хороший! Просто очень самостоятельный...

– Ты самостоятельный. Пренебрегаешь правилами и субординацией, – насмешливо, даже смакуя, перечислила мои

«достоинства» начальница. – В идеале я должна тебя уволить, – я лишь фыркнул на это заявление, благоразумно глядя в сторону. А мисс Спектр продолжала тянуть из меня жилы надежды. – Однако у тебя есть альтернативы. Целых четыре... я не люблю разбрасываться кадрами. И не могу не признать, что ты талантливый следователь с перспективным воплощением Веры. По тому, первая альтернатива: ты извиняешься перед кем-то из своих прежних напарников или находишь новых в отделе. Если с тобой хоть кто-то согласится работать – продолжаешь стажировку. Если до конца испытательного срока на тебя не поступает жалоб, то молодец! В ином случае – на выход!

– Можно тогда листок и ручку? Я сразу напишу бумажку, чтобы время не тратить... – самокритично попытался я возбухнуть, но тёплая, по-родительски снисходительная улыбка несколько поубавила мой пыл.

– Второй и третий варианты похожи: ты переводишься, чтобы держать тебя всё время на коротком поводке. Либо в отдел силовой поддержки...

Я прикинул себя в форме спецназовца, лезущего в самое пекло, причём, вероятнее всего, в роли щита, благодаря моей способности, и меня передёрнуло. Да этих же дуболомов только для драки выпускают, головой двери вышибать! Я же там деградирую, да и там меня буквально в бараний рог согнут за любую мою шутку. Не. Спасибо, не надо! Но моя начальница ещё не закончила:

– Либо направишься в научный отдел. Ты по образованию физик, так что вполне сможешь стать каким-нибудь лаборантом.

Отлично, а тут я сдохну со скуки! Нет, я уважаю науку и навсегда благодарен институту, что даровал мне высшее образование: корочки очень греют моё самомнение, а воспоминание, как я писал свой самый амбициозный фантастический роман под названием «Диплом», заставляет верить в себя. Но там же не будет никакой возможности побегать и кулаками помахать. Я ж зачахну.

Высказывать свои мысли я не решился, но зато максимально выразительно стал поглядывать на дверь, думая, как лучше заполнять обходной лист, и примет ли меня Шеф обратно?

– Но есть и четвёртый вариант...

Вроде как с безразличием, словно говоря о чём-то совершенно пустяковом и не заслуживающем особого внимания, она перевела взгляд на песочные часы в углу стола. Старинные, в искусно сделанной медной оправе, большие, минут на десять. Она неспешно перевернула их, и песок ровной струйкой посыпался вниз, гипнотизируя. И с каждой песчинкой ощущение подставы лишь усиливалось, словно вместе с песком утекало выделенное на нерадивого подчинённого время. Голос моей начальницы размеренно обволакивал и впитывался напрямую в кровь, как яд или сильный наркотик:

– Ты докажешь, что способен работать в одиночку. Вы-

полнишь задание, и тогда я признаю, что тебе не нужен напарник, – она покосилась на меня, и, я готов поклясться, в её взгляде не было ничего, кроме Веры. Веры если и не в меня, то в то, что я не разочарую её. – Ну а провалишь...

Холодный, размеренный, чёткий звук ударов ногтей о дерево стола чем-то напоминал звук гильотины и намекнул на неизбежность наказания, попутно подсказав, каким оно будет. Подвох просто обязан присутствовать, иначе я не могу объяснить, почему всё так удачно складывается и начальство, вопреки правилам, следует моей прихоти. Единственное, что мне приходило в голову: мне хотят подsunуть какое-то невыполнимое задание, чтобы ткнуть меня носом в мою некомпетентность и заткнуть рот. Вот только каким образом? Если меня не угробить, я вылезу из любой жо... тёмной клоаки, что сегодня уже продемонстрировал.

– Я в деле, – решил, понимая, что веду себя в высшей степени самонадеянно. Более того, несмотря на страх, я хотел оправдать ожидания мисс Спектр.

– Ты ведь понимаешь, что твой показатель Рабочей Веры мизерный, и даже если сейчас справишься, то в дальнейшем задания тебе будут даваться лишь простейшие?

– Уж лучше так, чем спасать этих «героев» и в результате оставаться виноватым. Душевное спокойствие мне дорого, как память о бесцельно прожитых годах.

По чести, неприятно, что мне указывают на слабость. Хотя это и объективно – по сравнению с другими Критиками

я ничтожен. Вот только забраться по лестнице Веры можно очень быстро со всеми средствами современного мира. И я собирался взойти по этому пути.

При этом я не забывал, что, чем быстрее и выше взбираешься, тем более шаткая опора у тебя под ногами. Уже неоднократно доказано, что внезапно получившие признание люди и становятся одержимыми намного чаще. Вера подтачивает всех. Даже самая светлая.

Хотя, чисто теоретически, нет предела тому, сколько Веры может использовать человек. Хоть всю Веру человечества... но это в теории. Такой человек не должен обладать никакими эмоциями, чувствами, а желательно и стремлениями, мыслями. Либо обойти правила, как настоятель Последней Книги, что стал Богом... на 10 минут. У реального человека в какой-то момент наступает Одержимость. У кого-то раньше. У кого-то позже. Всё зависит от Веры в себя... или, как иногда ещё называют, силы духа или лидерских качеств.

Для примера возьмём меня. После дела с изгнанием бога моя вера в себя поднялась до 112%. С учётом того, что 100% – показатель, означающий, что человек полностью самодостаточен и отвечает за свои действия, то у меня немного завышенное самомнение. На своём уровне я смог бы выдержать 112ИВ, без одержимости. Опять же, в идеале. По факту, никто не набирает больше 2/3 или 3/4 от своего максимального предела. Я же о таком могу только мечтать... ли-

мит обычного Критика – не более 100РВ.

Но есть те, у кого Вера в себя имеет 1000% или 10 000%, встречается и больше. И если в первом случае это очень уверенные люди, знающие себе цену, властные и умеющие вести за собой других – соответственно, способные выдержать 1000 ИВ. То во втором и последующих случаях, пусть человек и способен выдержать огромные напряжения Веры, но он заведомо обладает либо нарциссизмом, либо самовлюблённостью, либо другим психологическим отклонением, закливающим его на себе. И в таком случае невозможность доверять такому человеку Веру встаёт в полный рост.

– Отлично, тогда информацию по делу я перешлю тебе на наруч, у тебя час на изучение и подготовку. Информаторий, научный отдел и прочие подразделения о твоём самостоятельном задании я предупрежу, – мисс Спектр властно махнула рукой, словно не выгоняла меня, а метала нож. – Не опозорь репутацию своего наставника-Шефа. Вернись живым.

Глава 1. Или почему старый враг лучше новых двух? Часть 2.

Уважаемый читатель, надеюсь, закончившаяся встреча оказалась достаточно показательной, чтобы ответить хотя бы на часть вопросов? Увы, всё за раз рассказать невозможно. Моё прошлое приключение, когда я был ещё Редактором Веры, с трудом поместилось в книгу. Можете, кстати, её почитать, мне не мешает пара единиц Веры, ну а если нет... попытаюсь разъяснить всё по ходу дела. Люблю рискованных читателей!

Я спешил по коридорам без окон. Интересная деталь: я не имел ни малейшего представления, где находится база Критиков. Здание абсолютно монолитно: без окон, дверей и каких-либо люков. Но при этом с коммуникациями, возможно, даже замкнутыми. Геолокация системы тоже ничего не выдавала, лишь стандартное: «Данные заблокированы», так что мы в равной степени могли пребывать и в Сибири, и у центра Земли, и на поверхности Луны... хотя последнее маловероятно – мы попадали в комплекс через картины, а эффект Веры не распространялся на космос. Насколько известно, он даже на орбите слабо действует.

Но я всё же остановлюсь на моменте с картинами, уважаемый читатель. Пейзажи как давно умерших классиков, так

и современников, поглотив достаточно Веры, гостеприимно приглашали на свои просторы всех желающих, готовых потратить несколько единиц Бытовой Веры на вход. И неважно, оригинал то или копия. На этом строился мой любимый бар воображаемых друзей.

Но имелось у картин и малоизвестное свойство: если иметь представление – географическое или хотя бы визуальное – о расположении другой, аналогичной картины–репродукции, то можно, выходя в реальность, оказаться в нужном месте. Этим свойством когда-то воспользовался настоятель храма Последней Книги, убегая от Артефактора. Это свойство использовали и Критики для перемещения в пределах базы, а также с неё в региональные представительства.

И сейчас я как раз заканчивал проходить генетическую проверку, прежде чем получить доступ в галерею: комнату, где находились картины для перемещения. Индикатор, наконец, загорелся зелёным, подтверждая моё право для перемещения, и металлическая, взрывоупорная, огнестойкая и непробиваемая ещё по куче параметров дверь открылась. В галерее уже находилась группа из трёх смутно знакомых Критиков, которые прибыли в Следственное крыло – то место, которое я, собственно, покидал.

Кивнув коллегам, я направился к картине «Алхимик, открывающий фосфор» английского художника Джозефа Райта, которая вела в научное крыло. Вообще, части базы максимально изолированы: так, на всякий случай, как обычно

у военных. И при этом надёжно защищены, в том числе и за счёт тотальной секретности. В региональных офисах работал лишь гражданский персонал вроде бухгалтеров, юристов, представителей по связи с общественностью.

Я коснулся картины и на краю зрения увидел, как индикатор Рабочей веры изменил значение с 1,1730 до 1,1076 – картина впитала 0,0654 единиц Рабочей Веры. Для обычного человека пусть не гигантское, но весьма заметное количество – не попрыгаешь на работу и обратно.

Уважаемому читателю, наверно, любопытно, что за Рабочая Вера или кратко РВ то и дело мелькает в истории, при том, что раньше о подобном даже не упоминалось. Так раньше я и не работал Критиком. А вот теперь приходится соответствовать... Даже пришлось новый наруч надевать, хотя, должен признать, он не в пример старому шикарен. Настолько, что своим функционалом заставил утихнуть даже мою нелюбовь к этому девайсу и его бесконечному контролю.

Критики, в отличие от тех же Редакторов Веры, под более плотным контролем государства, но, кроме ответственности и бессонных ночей, это даёт и некоторые привилегии: например, работников снабжают Верой для выполнения заданий. На это работает целый отдел. Немаленький, должен заметить, отдел. Я бы даже сказал огромный, который только и занимается тем, что размещает новости, статьи и прочий информационный мусор о тех или иных Критиках в разнообразных, даже сомнительных СМИ. Интернет, телевиде-

ние, радио, газеты... чуть ли не на заборах. А определённые программы следят за набором Веры и при необходимости корректируют эмоциональный фон статей, дабы Вера была максимально выгодного эмоционального окраса, или вовсе удаляют, дабы не перегрузить Критиков.

Возвращаясь к Рабочей Вере – это Вера, которую Критики получают из СМИ, эдакий фарш из множества фрагментов Мимолётной, Бытовой и Истинной Веры, привязанный не к человеку, а к организации, поэтому её не разделяют на составляющие, а усредняют – это упрощает её восприятие. Это помогает лучше её распределять между работниками. И это делает легче работу с ней – нет страха, что тебя забудет кто-то близкий или родной. Если брать соответствие, то единица РВ приблизительно равна единице Истинной Веры по силе воплощений, при этом по качеству и длительности соответствует одной Мимолётной Вере.

И пусть мощность РВ выглядит внушительно, но так принято лишь для удобства: единица – минимум, необходимый для воплощений. Мне, как стажёру, доступно порядка трёх единиц Рабочей Веры, которую я могу тратить на вылазках, и мне её восстановят средствами Критиков. Поэтому грех жаловаться.

Но имелась и в этой бочке мёда ложка дёгтя. Разбрасываться Рабочей Верой просто так не получится – восстанавливается она даже со всеми ресурсами Критиков о—о—о—очень долго. Даже мои 3 РВ при полном сжигании возвраща-

ются примерно за полтора дня – всё же это складывается из Веры людей. И это в первый раз. В последующие разы, если они следуют друг за другом, время увеличивается. Порой в несколько раз, так что человек без Рабочей Веры или с её крохами может сидеть неделями. Что тоже неудивительно. Данные, что используются для восстановления Веры, имеют свойство надоедать массовому зрителю и читателю даже с учётом сторания Веры при использовании. Поэтому приходится экономить...

Я огляделся: всё точно так, как и описывало название картины – тёмная комната, пропахшая дымом, сыростью и едкими испарениями. За столом с ретортами в окружении книг сидит старец, что-то активно изучая в своих записях. С улицы слышан едва различимый крик, источник которого не разглядеть сквозь мутные окна. Не особо красиво, но довольно атмосферно, так и тянет пойти прогуляться. Но время не терпит. Я представил место выхода. Шаг обратно, и оказался в комнате-близняшке той, откуда ушёл, разве что компании Критиков не было. Я двинулся на выход.

– Поберегись! – отдалённый крик. Грохот. И клубы дыма где-то на периферии ознаменовали открытие гермо-двери в инженерно-техническом отделе Критиков.

Отдел небольшой, ибо занимался лишь сопровождением Критиков да мелкой починкой: всё, что масштабнее, разрабатывали специальные НИИ – мы получали самые современные прототипы. Те же наручи. Или передовые кибернетиче-

ские аугментации, на которые даже я порой заглядывался, хотя и своё тело меня не подводило! Но это не мешало нашим «гениям» экспериментировать над своими проектами и доводить до ума чужие. Порой с локальными разрушениями.

Я прошёл мимо прокопчённого дымного пятна на стене с глубокой вмятиной и свернул в первый коридор справа. По правилам оборудование получал глава группы, но теперь я сам себе голова и приходилось петлять, чтобы выйти к лаборатории приставленного ко мне «техника». При этом я обдумывал доставшееся дело. Мне предстояло проникнуть в «одержимый» дом...

То, что дом одержим, становилось понятно, стоило только взглянуть на приложенное к делу голо-фото: на доме росли грибы... Нет, не мелкие и белые, что под бочком унитаза или на стволах дерева, а Грибы с большой буквы. Размером в человеческий рост, одновременно радужные и полупрозрачные. Целая делянка! И возникало ощущение, что вот-вот должны появиться гигантские кулящие кальян гусеницы как в одной культовой, но от того не менее упоротой истории.

Ситуация усугублялась тем, что сунувшаяся туда ранее пара Редакторов Веры перестала выходить на связь через считанные минуты после проникновения. На месте уже развернули небольшой исследовательский лагерь – через дроны и науручи «попавших в плен» произвели разведку, поэтому я знал: в доме большая концентрация спор, имеющих вы-

раженные наркотические свойства – отправит в счастливый мир иллюзий с пары вдохов. Знание – сила. Вот что значит работать обстоятельно и по уму! Критики!

Я чувствовал, что мне это по зубам. Не зря на мою переподготовку ушло больше полугода. Меня натаскивали физически: разными тренировками развивали не только тело, но и умение им пользоваться в боевых ситуациях – я мог сражаться врукопашную, владел холодным и огнестрельным оружием. Мог посоревноваться с олимпийцами былых дней, настолько эффективно распределил Веру по организму... хотя во время обучения я пару раз чуть не сдох.

Меня изнурили ещё и интеллектуально. Мало того, что я, наконец, закончил свою трилогию «Несуществующий», за счёт чего усовершенствовал способности – получил ауру невосприимчивости к воплощениям Веры на радиус пары метров. Так меня ещё напичкали знаниями под завязку, порой «секретными» и «совершенно секретными». Некоторые был бы рад забыть. Теперь я являлся специалистом не только по фантастике, фэнтези и мистике, но широкого профиля.

Даже духовно на мне потоптались: духовные практики, конечно, не довели меня до просветления, но себя я уже осознавал весьма неплохо. Влезть мне в мозги было крайне проблематично, и я даже начал путь восхождения от осознанных снов в астрал.

Есть такой стереотип в книгах: Марти Сью – всемогущий, непогрешимый и неуязвимый персонаж. Так вот, я чувство-

вал себя таким, хоть и немного пожёванным после дела со змеем. Но я был крут, как варёные яйца, и даже круче!

Эх, мечты... Я вернулся к реальности. По данным с дрон-ов из одержимого дома Информаторий уже попытался восстановить события, приведшие к данному инциденту, но пока что известно лишь то, что ночью перед возникновением проблемы в доме гремела вечеринка, и с неё никто так и не ушёл – всех в тот или иной момент поглотил дом.

Требовалось: выяснить, что произошло внутри и кто виноват; проблему решить – ответственных за безобразие наказать, пострадавших спасти. И для этого мне нужно кое-что специфическое.

– Хозяева, вы здесь? – позвал я, толкнув дверь в лабораторию.

Лаборатория была... уважаемый читатель, тут либо нужно давать описание на пару листов с перечислением аппаратуры, реагентов, инструментов, механизмов, деталей, чертежей и документации практически всех областей наук, часть из которых даже я, как физик, смутно представлял. Либо, как альтернатива, попытаться отделаться общим клише: лаборатория безумного учёного – по уровню хаоса и гениальности один в один.

Я даже толком не осмотрелся, как один из стеллажей зашевелился. Точнее, так показалось в первый момент, а потом я понял, что из расположенного за ним прохода вышел человек. Он был грязен, как свинья, но при этом в идеально

чистом белом лабораторном халате. И ещё волосы: они стояли дыбом, при этом будучи наполовину седыми, а наполовину зелёными... Но даже это не помешало узнаванию.

Рука дёрнулась к револьверу, и пару секунд спустя ствол устоялся в лицо местному «гениальному учёному». И я уже почти нажал на спуск, но меня остановило самое мощное оружие на моей памяти – ехидная улыбка.

– А... Сергей? Привет, – мазнул по мне взглядом владелец кабинета и даже не подумал остановиться, приближаясь.

– Какого чёрта ты тут делаешь? – я напрягся ещё сильнее.

– Самому не верится, но работаю. Докатился... – лёгкая насмешка и ни капли страха в голосе, даже несмотря на то, что говоривший практически упёрся в направленный на него револьвер. Небрежно отодвинул от себя ствол и двинулся дальше.

– Э–э–э... – протянул я в некотором недоумении.

Но к этому времени Система наконец-то раскрыла рядом с собеседником информацию:

«Евгений Чунаев (позывной: Артефактор). 41 год. Не женат. Детей нет.

Проживание: общежитие Критиков Научного отдела (внимание, запрещено перемещение за пределы базы Критиков – под арестом).

Работа: Критик – научный сотрудник.

Судимость (отбывает срок за незаконное использование Веры).

ИВ: засекречено. БВ: засекречено. МВ: засекречено. РВ: засекречено.

Творческое развитие: Артефактор. Психик – развитие интеллекта».

Неожиданно... очень. Чунаев со всеми своими умениями, конечно, мог взломать Систему и поставить туда любые данные, но я сомневаюсь, что он добровольно припрётся к Критикам. Один из создателей наруча! Один из тех, кто привёл в мир Веру. И тот, кто мечтает её уничтожить. В прошлом мой наёмник. И противник.

– Сергей, хватит думать, тебе это не идёт, а у меня от треска ржавых шестерёнок уши закладывает, – подобное хамство заставило чуть прийти в себя.

– Тогда будь добр, объясни, как ты тут оказался? – не мог я отключить свою паранойю. Хотя уже взял себя в руки и слушал внимательно.

– А что рассказывать? После того, как ты меня поймал, ко мне пришли Критики и предложили работу. Оказалось, что на них вкалывает один мой старый знакомый, вот и замолвил слово. Запирать такой талант, как мой, за решёткой стало бы настоящим преступлением. Вот я и нахожусь под круглосуточным присмотром и одновременно занимаюсь полезным делом. Так что оставь в покое револьвер и хватит рассылать запросы! Из-за тебя активировались все следящие устройства в лаборатории!!!

Когда я был молод, думал, что умный. Ладно, погорячил-

ся. Тогда я думал, что не полный дурак и немного разбираюсь в логике это мира. Преступников – в тюрьму. Компетентных людей – на высокие должности. Мне – конфетку и побольше. Но чем больше проходит лет и чем чаще я общаюсь с людьми, тем основательнее понимаю: миром правит не логика, а психи!

– Извини, что не доверяю преступнику, – изобразил я неискреннее раскаяние, получив уже несколько ответов из разных инстанций с подтверждением слов Артефактора.

– Тебе же – разработчику преступных планов – доверили их распутывать? – парировал собеседник, и я не мог не признать, что в этот раз меня сделали всухую. А он, полюбовавшись на мою хмурую морду и рухнув в кресло на колёсиках у стола с компьютером, поинтересовался: – Ну и что тебя привело, мой новый подопечный?

– Тебе что, мой запрос на выдачу вещей для дела не пришёл? – рассердился я.

– Я тебе что, склад, выдавать вещи? – ответно вспылил Артефактор.

– Склад, не склад – не знаю, у меня в рабочей инструкции указано, что вещи я получаю после проверки моим техническим сопровождающим. И мне нужен костюм полной химической защиты. С замкнутой системой воздушного обеспечения. А ещё огнемёт...

– Ну ничего себе запросы! – возмутился Артефактор, но после пары секунд размышлений всё же направился куда-то

в глубины своей лаборатории. – Огнемёт ему подавай... Хотя? Пошли за мной, посмотрим, что из твоих хотелок у меня есть.

Глава 2. Или почему нужно правильно готовить грибы? Часть 1.

В реальности всё выглядело на порядок хуже, чем на при-
сланных фотографиях и голографических снимках. Трёх-
этажный дом был... По чести говоря, его уже не видно. Он
превратился в одну сплошную грибницу белёсо-серо-оран-
жевого цвета, из которой местами торчали шляпки разных
(порой просто огромных) размеров. Я бы мог попытаться
описать это как мешанину из вешенок, подосиновиков, му-
хоморов, белых и чайных... да и вообще всех известных
и неизвестных мне грибов, но я очень сильно сомневался,
что представший передо мной конгломерат включает реаль-
но существующие грибы. Какой-то психотропный микс, ко-
торый светился неестественными цветами. И меня не отпус-
кало чувство, что этот исполинский гриб-дом пульсирует. По
нему время от времени пробежали радужные волны, от кото-
рых он разрастался. Между прочим, от порога дома на пару
метров уже расплзлась грибница, усеяв почву мелкими бе-
лыми грибами вроде шампиньонов.

Чтобы не пугать местных жителей, а главное – не подпи-
тывать грибницу лишней Верой от праздных зевак, над до-
мом кружили дроны, которые с помощью голограмм созда-

вали иллюзию нормальной жизни в пределах огромного двора. На самом же деле на участке по периметру дома копошилась просто уйма народу. Учёные, которые снимали какие-то показатели и пытались ставить эксперименты на ближайших грибах. Местные Редакторы Веры и полиция, что суетились в лёгкой панике. Военные... Военных немного, но они были деловиты и работали. Это пугало.

У военных всегда есть план “я”. И нет, не в плане эгоцентризма, а в плане того, что он самый последний и, следовательно, эффективный. Жаль только, что измеряется он либо в свинцовом эквиваленте, либо в тротиловом. И хорошо, если не в мегатоннах. Поэтому если я провалюсь, и угрозу признают неустранимой, то дом либо заполнят ядовитым газом, чтобы вывести грибок, либо, что более вероятно, спалят очень жарким пламенем. Но для находящихся внутри способ умерщвления будет не принципиален.

– Хватит медитировать на грибы, тебе всё равно не позволят их набрать на ужин, – вывел меня из созерцательного размышления голос Артефактора, пришедший на слуховой нерв. Он выступал вместо Информатория, сопровождая меня в этом походе.

– Я не настолько псих, чтобы их есть, – отозвался я, встряхнувшись.

– Тогда чего стоишь? Двигай уже! – отвесил мне звуковой пинок помощник. – Или ждёшь вдохновляющих речей?

– Было бы неплохо. А ещё фанфар и девочек из группы

поддержки, – буркнул я, но без задора, понимая, что собеседник прав.

Проверил показатель давления и запас кислорода в надежном костюме полной биологической, химической, радиационной и чёрт его знает ещё какой защиты. Удостоверился, что на сетчатку выводится план дома... по крайней мере того, что был до вторжения грибов. Краем глаза отметил Хугина, что устроился у меня на плече в форме ворона – мой иммунитет глушил искажающую реальность стихийную ауру Феникса.

Я призывал его при любой возможности. Разве что в помещениях ему некомфортно, поэтому я старался не вызывать его на базу. Но сейчас мне требовалась любая подстраховка.

Феникс! Воплощение чистой магии! Противовес моему иммунитету к Вере. Как выяснилось при повышении квалификации у Критиков, чтобы не стать одержимым при вложении большого числа Веры в какое-либо направление, стоит вкладываться и во что-то противоположное. И Феникс стал для меня подобным противовесом иммунитету к воплощениям Веры и, конечно, помощником... пусть и не без недостатков.

Если честно, то я тихо ненавидел Хугина. Это глупо! Я знаю, уважаемый читатель! Феникс верный и исполнительный спутник. И это, как ни странно, его первый и основной недостаток: безоговорочное подчинение моей воле. Он

исполнял любой, даже самый самоубийственный приказ без малейшего сомнения и искры собственной воли. Его второй недостаток только усугублял первый – Хугин не умел разговаривать! Это чуть ли не вгоняло меня в депрессию.

Возможно, кто-то не назовёт подобное недостатками – для инструмента эти свойства хороши... но я не мог считать Хугина просто инструментом, который помогает мне не только защищаться, но и проявлять себя в атаке. Хугин был большим! Хугин являлся наследием Брута. И я, помимо воли, их всегда сравнивал. Увы, это сравнение получалось не в пользу Феникса. Я жалел о потере пожертвовавшего собой товарища, считал Хугина недостойным его наследником и одновременно презирал себя за эти чувства...

Я заставил себя погладить ворона по белой головке и почувствовал, как Хугин попытался прильнуть к руке, но я поспешил её убрать и перевести взгляд, а вместе с ним мысли к дому.

Специально ради этого случая дверь в здание выбили направленным взрывом, а коридор на первые несколько метров выжгли огнёмётами. Но чернота ожогов уже почти полностью сменилась белизной нитей грибницы, а поэтому стоило поспешить.

Едва я переступил порог, как на сетчатке появилась новая запись от системы:

"Внимание, внешнее воздействие Веры на ментальную сферу.

Напряжённость: 0.01 РВ"

Собственно, что и следовало ожидать. Но мой иммунитет в 5ИВ... или 5 РВ – пока не перевалит за эту отметку, я могу относительно не переживать.

Двигаться в защитном костюме оказалось до жути неудобно, и порой казалось, что он живёт собственной жизнью. Настолько, что не удавалось понять: движение уже закончилось или я ещё что-то делаю? Про то, что в костюме душно и чешется всё, что только может, даже упоминать не стану – это подразумевается по умолчанию. Именно поэтому я даже верный револьвер с собой не взял: а смысл? Не вытащить. Не прицелиться. Не выстрелить. Да и в кого стрелять? Тут все гражданские!

Пародируя робота, я вошёл в холл первого этажа. Он был обширным, если верить плану. Имел площадь практически сто сорок квадратов! Но оценить простор и обстановку не было никакой возможности. Весь холл пророс грибами.

Я практически сразу остановился. Прямо предо мной красовался похожий на поганку гриб: бледный, на тонкой ножке, его куполообразная шапочка доставала мне до груди. Таких вокруг оказалось немало. Имелась здесь и парочка гигантов, что прикидывались колоннами и подпирали шляпками потолок. Под ними уютно расположились заросли, среди которых попадались и экземпляры с меня ростом, и такие, что едва дотягивали до колена. А совсем мелкие, вполне привычного размера грибочки, плотным ковром росли абсолют-

но везде, даже на стенах. Но главное не это. Несмотря на то, что проёмы окон, которые ещё можно было различить, покрывало плотное сплетение нитей грибницы, внутри оказалось относительно светло. Свет давали всё те же грибы. Голубоватое, зеленое, розовое и ещё не бог весть какое флуоресцентное свечение было достаточно ярким, чтобы имелась возможность ориентироваться вокруг.

Неуютно. И красиво. Смертельно красиво.

С лёгкой досадой стукнул по шапке поганки. Глупость, конечно, сделал – та вздрогнула, и воздух вокруг заискрился от голубой пыли спор.

Я сверился с картой на краю зрения и двинулся по холлу в сторону лестницы на второй этаж. Самое паршивое, что несмотря на всю защиту, лёгкая рябь помех то и дело проходила по данным Системы.

Пока я добирался от ближайшего отдела Критиков до этого дома, работающие здесь учёные, угробив кучу дронов, выяснили ещё кое-какие подробности: концентрация Веры в доме просто зашкаливала. И если на первом этаже особняка я должен выдержать, то как обстоит ситуация на втором и тем более третьем – неизвестно, даже техника не могла пробиться сквозь поле Веры. Плюс тепловые сигнатуры людей и их мозговая активность фиксировалась в основном на третьем этаже. И да, насчёт мозговой активности: она фиксировалась на высоком уровне – это одновременно и хорошо, и плохо; люди живы, но активно питают грибницу Верой в ми-

ре иллюзий. При этом приток Веры стабилен, и если грибница разовьётся достаточно, то вполне возможно появление грибных зомби.

План был прост так же, как и моя последняя извилина, придумавшая его. Залезаю в дом. Добираюсь до эпицентра. Нахожу творца, ставшего источником заражения-одержимости. Согласно анализу записей с дронов и глазных нервов гостей: первым пропал сын хозяина дома. Он зарегистрированный творец, не шибко мощный, но, что не удивительно, психик. По мнению аналитиков, именно он попал под одержимость, а потом и всех остальных в это состояние втянул, потому как имел слабость к дружной компании. Вытаскиваю его и тем разрушаю фокус одержимости.

У меня имелся и запасной план! Если напряженность поля Веры в эпицентре непробиваема даже для моего иммунитета, то я начинаю вытаскивать заражённых с периферии. Отдаю учёным вне зоны заражения для изоляции и лечения. А когда поле Веры достаточно ослабнет, то вернусь к первому плану.

Никакой спешки. Никакого риска. Всё продумано. И подготовлено. Что может пойти не так, уважаемый читатель?

Клёкот Хугина и вспышка пламени за спиной заставили меня быстро развернуться... ну, как быстро? Со скоростью беременной черепахи. И я увидел то, что заставило Феникса нервничать: гриб-колонна имел лицо! Человеческое лицо. Если я правильно запомнил присланные данные, то принад-

лежало оно Редактору-разведчику. И от улыбки Редактора, что складкой прорезала ножку гриба, пот ручьём побежал по хребту.

Галлюцинация или реальность? Судя по тому, что это видит и Феникс, то скорее всё же реальность. Поэтому, пересилив себя, я подошёл к заражённому. Но стоило мне попытаться его коснуться, как помехи перед глазами усилились, на мгновение перекрыв область зрения, а голова закружилась словно от падения.

Затем я обнаружил себя стоящим на песке пляжа. Розовое солнце садилось в воды моря, лаская кожу последними тёплыми лучами. Море же с мерным рокотом плескалось в паре шагов, с каждой волной принося прохладу и доставая брызгами, пахнущими солью. В двух десятках шагов я увидел парочку: мужчину и женщину, что неспешно прогуливались по побережью рука об руку и о чем-то с улыбками разговаривали. И мужчина имел то же лицо, что и гриб...

Я дёрнулся, и иллюзия мгновенно пропала. Вновь я стоял в заражённом грибами доме, а в носу таял запах йода и соли. Но хуже всего, что мой костюм облепили споры от колонны-Критика, и слой образовался ощутимый.

"В краю древних предков я рос чужаком
И не чтит ни святых, ни чертей".

Пропел я себе под нос, стяхивая споры. Они дурманили людей и погружали их в фантазии. Отличный способ удержания. Не стоит расслабляться, нужно верить, что защита

выдержит! Верить в себя!

Ковёр из грибов хрустел под моими тяжёлыми шагами, когда я поднимался по лестнице. Грибы сразу же пытались восстановиться и заодно вплести меня в свою грибницу, но я упорно пёр вперёд по ступенькам. Пока что ситуация была не так уж и плоха: индикатор напряжённости поля Веры показывал лишь: "1,2476 РВ". Хотя перемигивание грибов разными цветами очень сильно давило на нервы.

Главное – не спешить! Десять минут, и вот уже площадка второго этажа! Здесь ситуация похуже: валяется несколько полузросших грибами дронов, а некоторые проходы перегораживают исполинские грибы. К счастью, без лиц. Но для них у меня есть большой нож – прорублюсь! И Феникс для прожигания... но это на крайний случай! Жаль только, что лестница на третий этаж в конце данного коридора.

“Внимание пользователю, – когда я перешагивал через ножку гриба, который только что срезал, заговорил костюм. – Запас кислорода составляет 1%. Отключение системы дыхания в течение минуты”.

– Что за?.. – выразил я мысль и быстро полез в настройки костюма, подключённые к наручу.

И действительно, кислород застыл на минимальном показателе в 1%. Но ведь я же проверял перед входом! Всё соответствовало норме! Неужели глюки... однако эту мысль пришлось отбросить, стоило услышать тихое хихиканье сквозь шум помех.

– Артефактор, ты что натворил?! – заорал я, пытаюсь развернуться на месте к выходу. Но даже на это в костюме ушло непозволительно много времени.

– Всего лишь вернул старый должок, – весело хохотнул собеседник из уюта лаборатории. – Похоже, ты очень сильно достал своё начальство, раз тебя поручили мне. Я просто не мог не воспользоваться этим шансом!

– Тогда даже близко был не мой косяк. Ты сам не загадал желание! – ответил я. И остановился. Лишние телодвижения – быстрее потрачу кислород. Лучше сжечь его на мыслительную деятельность.

– То самое, которое всё равно бы не сбылось. Я уже понял, что погорячился и не просчитал всего, – спокойно заметил голос. – Для уничтожения мировой Веры нужно иметь минимум 51% всей Веры. У девчонки-джинна и близко такого количества не имелось. Но тем не менее подстава с ней – твой план! Ты потратил моё время, и из-за тебя я теперь в плену у Критиков. Не говоря о том, что я несколько месяцев промучился со сломанной рукой!

– За мою смерть тебе знатно дадут по шее, – возмутился я почти рефлекторно.

План у меня возник... не очень хороший. Откровенно паршивый. Но какой есть! Как-никак работает одна извилина, которая не смогла спасти от очевидной подставы! И для его воплощения мне нужен воздух, пусть и напичканный галлюциногенными спорами! Потому я, глубоко вздохнув, на-

чал снимать с себя шлем защитного костюма.

– О, ты не умрёшь... если, конечно, военные не возьмут всё в свои руки. Зато, думаю, самое большое – через пару минут, ты лишишься чувств, и тебя придётся спасать, как и всех тут. Ты провалишь задание – упустишь свою мечту. И мы будем квиты. А насчёт моего наказания не волнуйся, мы сейчас на одной информационной линии, и мне этого достаточно, чтобы немного подкорректировать поток данных, который сохранится на наруче. Что поделаться, если ты не умеешь обращаться со сложным оборудованием. А тут ещё и Вера всё ломает...

Шлем костюма я снял, поэтому ответить уже не мог. Помехи перед глазами ещё сильнее запорошили данные Системы. Вновь чат первым покинул меня. Но я ещё мог видеть другие показатели и то, что напряжённость поля Веры сразу подскочила до значения: "1,9523 РВ".

Весь остальной костюм без помощи я снимать буду минут пять, не меньше. У меня хорошо тренированные лёгкие, но даже я смогу не дышать всего пару минут. Вернуться за это время в костюме с его подвижностью невозможно. Так что в лучшем случае я вывалюсь из дома, сильно надышавшись спорами и неменяемый. Но это не главное! Тем самым я провалю задание! Артефактор, гад такой, прав.

Я, конечно, тот ещё трус и при возможности отступить постараюсь сбежать, но если надышусь в любом случае, то стоит хотя бы попробовать выполнить задание. Может, по-

везёт? Тем более что есть у меня одна задумка, как продлить себе агонию. Я отдал Хугину команду, и он начал кружить вокруг меня, быстро превратившись в вихрь.

И нет. Он не просто разгонял споры, но ещё и понижал температуру вокруг меня: какая бы Вера ни питала грибы, но они всё ещё грибы, если топчущиеся у дома ученые не ошиблись. А значит, на них всё ещё действуют такие факторы, как условия окружающей среды. Чтобы было понятнее: грибы бояться холода. Это должно ослабить приток спор ко мне. Показатель Рабочей Веры начал быстро уменьшаться. Примерно 0,0003 единиц в секунду – такими темпами Вера выгорит чуть меньше, чем за десять минут. Но даже это не спасло от нового сообщения Системы:

"Внимание, внешнее воздействие Веры на физическое тело. Напряжённость: 0,0311 РВ"

Хорошо, что тут у меня предел в 10 ИВ... то есть 10 РВ – ещё потрепыхаемся. Хоть Феникс и мой питомец, однако, внутренняя жаба тихо бурчала, что с иммунитетом я мог бы справиться и без траты Рабочей Веры. Но здравый смысл возмутился, что рисковать собой – глупость высшего сорта. И я склонен был согласиться с последним.

Я похромал дальше, сверяясь с картой. Второй этаж отдавался под личные комнаты семейства хозяина. Двигался на максимальной возможной скорости, огибая шляпки грибов, торчащие из стен, пола и потолка коридора. Собственно, я вообще обстановки не видел, а сам проход угадывался толь-

ко по форме.

Меня начали преследовать. Тени мелькали на периферии зрения. Едва заметные. Неуловимые, словно обрывки сна. Сначала подумал, что мираж – игра света и тени от флуоресценции грибов. Мир искажался от красок, которыми светились грибы, меняя пропорции и восприятие. И я мысленно продолжил петь:

"Я шел против ветра, я шел напролом

В мир нездешних и вольных людей,

НО Я НЕ БЫЛ НИКОГДА РАБОМ ИЛЛЮЗИЙ".

Мне пришлось протискиваться между грибами, перелезая через них. И само собой, я не выдержал и первый раз вдохнул. То, что помощь Феникса не панацея, стало очевидно буквально после второго вдоха. Воздействие на организм возросло сразу на 0,8975 единиц РВ, благо рывок единичный. При этом увидел, как из спор сплетается образ маленькой белой ласки. Брут – погибший воображаемый друг. Он нагло и весело улыбался и призывно махал хвостом, увлекая меня дальше.

Стало неожиданно легко на душе. Я понял, что не потерян. Я не один. Рядом друг. Брут приведёт меня к цели. Да, он моя галлюцинация... Да, ведёт он меня к центру одержимости, а куда ещё вести? А то, что там большая напряжённость поля Веры и я быстрее выдохнусь... ну так это же Брут! Не то что этот Феникс, который почти растворился на грани зрения. А остальное уже не важно.

И я продолжил путь, чеканя шаг среди грибов. Они теперь не мешали мне. Они теперь меня словно тянули вперёд, а Брут играл со спорами, весело и задорно, так что я не мог сдержать улыбки. Но стоило не слишком осторожно ухватиться за какой-то гриб, как я снова провалился в иллюзию.

Странное чувство невесомости дезориентировало. Но только не Брута. Он с пару секунд забавно кувыркался, но быстро выровнявшись, принялся загребать лапками, словно плывя куда-то вверх. А потом он обернулся и призывно махнул хвостом.

Только сейчас заметил, что расстояние между нами увеличивается слишком быстро. Взглянув вниз, увидел... Выжженную долину, расчерченную лавовыми реками и дымящимися бездонными трещинами. Очень похоже на Ад... Всегда знал, что рано или поздно сюда попаду!

Что нужно делать, если оказался в аду? Совершить экскурсию по девяти кругам. Завести знакомство с историческими личностями. Увидеть стриптиз суккубов. И, наконец, искупаться в лавовых реках. Именно этим я и решил заняться!

Несколько гребков, и я сумел догнать Брута. Этот мелкий паршивец уцепился за меня. Ещё десяток гребков, и я, взяв разгон, нырнул в густую алую жижу. Было щекотно... и на вкус как малиновый джем.

А затем вынырнул из облака. На паре ближайших облачков сидели маленькие херувимчики в туниках и тренька-

ли на арфах. А в центре возлегал тучный парень, которого кормили виноградом полуголые красавицы. Всегда знал, что нижний уровень Ада – это Рай!

Покачнувшись, я обнаружил себя посреди коридора. Видимо, загребая, оторвался от гриба. Ничего себе меня проняло... Вот что значит оказаться в разуме одержимого! Внешние изменения и способности – лишь ширма, за которой скрывается искорёженная психика. Хотя тут человеку ещё относительно повезло – он попал в счастливое место.

Глава 2. Или почему нужно правильно готовить грибы? Часть 2.

Уважаемый читатель, я не буду пропагандировать: “наркотики – зло”. Каждый гробит себя в меру своей глупости, даже я не чураюсь того, чтобы выпить... и то, больше для запаха, ибо дури своей хватает. Но наркотики я презираю, тем более в отношении творчества. Полёт фантазии творца – словно освежающий морской бриз, что играет в чертогах твоего разума. Наркотическое опьянение – тайфун, что, разрывая стены и крышу, врывается в сознание, уничтожая всё внутри. Цена подобного саморазрушения для меня слишком велика.

Вот очередной поворот к лестнице, и я ощущаю, как дрожат ноги, а зрение плывёт. Но не успел упасть, как мне протянули руку и поддержали.

– До чего тебя довели твои мечты... И это стоит того? Рисковать своей шкурой? – раздался прокуренный голос.

– Более чем, – принял руку и поднялся. – Рискуя, я знаю, что живу. Я знаю, что мои поступки не бессмысленны. Что они чего стоят.

Небольшая кухонька деревенского дома. Деревянные стены и потолок. Пол земляной. Каменная лишь печь, в кото-

рой, чуть потрескивая, горит огонь. А на плите, устроенной над топкой, неспешно булькает какое-то варево. И аппетитный запах заполняет комнату.

– Так значит, по-твоему, обычная работа ничего не стоит? Ты ведь мог устроиться на завод и работать механиком или электриком. А может, даже до инженера дорасти. Там бы общался с реальными людьми. Был бы нормальным человеком! А ты всё глупостями занимаешься – написанием книг, шатанием по всяким притонам с наркотиками.

– Мне нравится то, что я делаю, даже если тебе это не по душе, – не стал я спорить с отцом.

Это был сильный и высокий мужчина с грустными глазами и уставшим лицом. Недельная щетина и лёгкий запах алкоголя придавали ему брутальности, а избыточный вес напоминал о возрасте.

– Я просто этого не понимаю, – отец приглашающим жестом указал на табурет и сам устроился на соседней. – Неужели мир иллюзий лучше, чем реальность?

Я не стал отказываться и тоже уселся у печки. Домашний уют и тишина позволили успокоиться. Брут белым клубком улёгся на плече. А я смотрел на отца и не мог скрыть радости: как же я давно его не видел! Как давно не разговаривал!

– В реальности мы с тобой не общаемся больше десяти лет из-за того, что я ослушался тебя и поехал в город поступать в университет. А в иллюзии мы с тобой наконец рядом и спокойно разговариваем. Именно иллюзии позволили мне

построить себя. Именно иллюзии позволили мне построить взаимоотношения с другими людьми. Именно они позволили мне понять: реальность – это лишь очень сложная иллюзия. Я плёл паутину слов, а сплёл собственную судьбу.

– Тогда почему ты борешься? Тут же тебе хорошо. Мы можем с тобой посидеть. Потом пойти на речку порыбачить. А после придёт мать и сварит ухи из улова.

– Заманчиво... Вот только...

"Здесь молятся Богу и Сатане –
Без хозяина трудно прожить".

Я поднялся и шагнул прямо в пламя печи. Последнее, что я увидел, как отец грустно покачал головой. А затем почувствовал, как в ребра впиваются ступеньки лестницы на третий этаж особняка.

От помех данные Системы не столько читались, сколько угадывались:

"Напряженность ментального поля Веры: 4,0621 РВ"

"Напряженность физического воздействия Веры: 4,4153 РВ"

"Количество Рабочей Веры: 0,8456"

Понятно... Кажется, моё здравомыслие решило перекрыть крышу сознания, и не улететь за границу мне позволил только иммунитет к Вере. Но Феникс ещё вымораживает споры, не давая моему физическому иммунитету просесть. Плюс спасибо опыту хождения по снам и выходов в астрал. Вот только надолго ли их хватит? Ненадолго. А по-

сле... можно будет надеяться только на других. А на них как раз надежды нет.

Я, покачиваясь, поднялся и, пристально следя за Брутом, продолжил движение. Множество образов плыли на краю зрения, разрывая сознание смешками и шепотом.

На середине лестницы запнулся и упал. Благо вполне удачно, хоть и съехал на несколько ступеней вниз. А может, и не на несколько...

Вместо сплетения мерцающих нитей грибницы взгляд уперся в рисунок персидского ковра. Знаете, с характерным цветочным узором, мягким ворсом и запахом бабушкиных пирожков. Оперевшись на него, приподнялся, осматриваясь.

Первое, что бросилось в глаза – хвост белой ласки, устремившейся к низенькому столику, заставленному фруктами как простыми, так и довольно экзотическими, а ещё десертами и прочей снедью. Вокруг стола расположилось с два десятка мужчин атлетического телосложения и модельной внешности. Вот только все они были немного не одеты – шифоновые и толком ничего не скрывающие шаровары трудно назвать одеждой. А прямо напротив меня, с другой стороны стола на горе подушек возлежала дама за сорок, размера эдак пятидесятого, одетая ничуть не более скромно. Слащаво улыбнувшись, она поманила меня пальцем...

– Миледи, я только за своим костюмом кролика и сразу вернусь, – и отправив её воздушный поцелуй, шархнулся назад.

Иллюзия растаяла, и я облегченно выдохнул. Никогда не хотел оказаться жертвой чьих-то нездоровых сексуальных фантазий. Жалко только, что я вновь оказался у начала лестницы. Но Брут всё же успел добраться до стола и урвал кусок жареного мяса. Пока я приходил в себя, он его благополучно слопал и побежал дальше. Пришлось подниматься.

Я двигался.

Но как всё же красиво... уважаемый читатель. Да, я вас вижу, читатели. Я вижу, как вы выглядываете из-за грибов, и эти взоры полны любопытства. Вы смотрите, но не видите, как этот дом позволяет невозможному осуществляться. Я вот почти научился летать... стоит лишь проследить за облаками спор. За Брутом...

Я шёл и чувствовал, как под моими руками и ногами пульсирует грибница. Она жила. Она дышала. И я, кажется, начинаю понимать всю её прелесть. Я нежно провёл рукой по голубоватой шляпке гриба, чувствуя тепло и благодарный отклик. Грибы – это же так восхитительно...

Плечом задел торчащий из приоткрытого дверного проёма похожий на сморчок гриб. И предо мной предстал фрагмент бесконечной вечеринки, где развлекаются до упада.

Каждый гриб – индивидуален и неповторим. Каждый гриб по-своему совершенен. Этот розовый. Этот квадратный в зелёную крапинку. А этот пахнет уединением. Но при этом грибы не одиноки. Они все связаны друг с другом. Они все части чего-то целого. Грибница поддерживает всех в равной

степени. Питает всех. И просит лишь малую часть для поддержания целого. И каждый гриб способен на невозможное с поддержкой грибницы.

Коридор начал закручиваться спиралью, и чтобы продолжить путь, мне пришлось пойти по стенам, а потом и по потолку. Потолок от этого зазвенел хрустальным перезвоном. А Брут всё так же бежал впереди.

Даже поглощённые грибницей люди – каждый в своей прекрасной иллюзии. Каждый получает то, что хочет, при этом все они соединены вместе. Подпитывают друг друга. И помогают грибнице распространяться... Общее сознание...

По коридору прошла волна. Грибы выстрелили спорами. Воздух наполнила прекраснейшая радуга. Тени на краю сознания радостно смеялись, и, не удержавшись, я тоже засмеялся и захолопал. Зелёное веселье перемешалось с пластиковой остротой.

Я начал падать и помимо воли ухватился за похожий на чагу нарост ярко-розового цвета. Лес. Звуки рогов и ржание коней. Стрельба из ружей. А по перелеску, петляя, бежит девушка в лохмотьях. Фонтанчики щепок от попадания пуль то и дело вылетают из стволов рядом. И я знаю, что это парень охотится за бывшей, которая не только уничтожила его самооценку и ограбила, но и растоптала будущее перспективного спортсмена.

И я в восхищении. Я в предвкушении... Страх. Смерть. Ненависть. Этим пропитана иллюзия.

Низменные желания. Тёмные стремления. Потаённые страхи. Всё это выплёскивается в бреду. Но при этом никто не страдает!

Я плыл, усилием воли прорываясь сквозь пространство, словно через воду или орихалковый запах. И чувствовал, что если захочу, то смогу изменить законы реальности. Смогу сделать время треугольным. Или искупаться в помадке. Мне не нужна никакая Вера. Я сам себе демиург.

Это так прекрасно... и невозможно в реальности. Там даже если у тебя есть родные и близкие, то ты всё равно одинок: мы одни приходим в этот мир и одни уходим. Свою душу и сознание не с кем разделить. Слова не способны передать весь спектр сознания.

Как бы я хотел тоже стать частью этой общности и навсегда остаться с Брутом. Надя бы присоединилась... и я бы никогда больше не был один.

Я поднял взгляд и увидел девушку в весьма откровенном платице с Брутом на плече.

– Сергей, ну что ты стоишь? – задорно бросила она. – Пошли веселиться.

Надя – в прошлом моя боевая подруга, а ныне спутница в совместной жизни! Тонкое платице не столько скрывало, сколько подчёркивало изящные черты. Открытое загорелое тело манило, а длинные волосы развивались от лёгкого сквозняка. Даже взгляд и улыбка привлекали и дразнили. А уж эти заострённые ушки, выглядывающие из причёски...

Я даже на миг слюну пустил от вожделения. А затем, не сдерживаясь, подбежал к девушке и вдохновенно поцеловал, чем ввёл иллюзию в ступор. Я же, насладившись моментом близости и тепла, лёгким па крутанул девушку и обнял.

– Дурак, – беззлобно бросила Надя. Щёлкнула меня по носу и, мягко высвободившись из объятий, потянула за собой. И я пошёл.

Окружение слилось в мешанину. Грибы куда-то отступили, и вместо них появился коридор, который через десяток шагов превратился в улицу, и вот мы уже стоим у чуть побитой машины. В стороне пустырь и недостроенное здание, со стороны которого бегут люди, с яростными криками размахивая оружием.

– Сергей, за руль! Я их задержу, – закричала Надя весело.

Я не стал спорить. Страх нет. Только азарт. Только предвкушение и веселье. Рухнув за руль, быстро врубил зажигание, выставил нужную передачу, нога зависла над педалью, а рука на руле... но я не мог сдвинуть автомобиль – Надя, так и не сев в машину, копалась в багажнике. Я не успел её позвать, как из-за угла крематория показалась одна из машин преследования и зазвучали выстрелы бандитов.

– Никому не двигаться! – с нотками безумной лихости заявила Надя, рывком вынырнув из багажника.

У меня отвисла челюсть. Глаза вылезли из орбит. Ибо более бредовой картины я представить просто не мог: Надя стояла, чуть покачиваясь под весом старенького, но оттого

не менее действенно гранатомёта РПГ-7, сделанного из воздушных шариков, куда была уже установлена ярко-розовая ракета. Раструб мотало так, что снаряд попеременно смотрел то на машины бандитов, то в зенит, то в недостроенное здание из вафель. И по лёгкому... да кому я вру, по абсолютно неменяемому взгляду понял, девушке сейчас море по колено и всё можно – она за своего избранника всех порвёт.

– Остановитесь. Медленно опустите оружие... – начала девушка. Икнула от нервов.

Пальчик на спуске дёрнулся, и ракета полетела в сторону бандитов, оставляя красивый след из сладкой ваты. Повезло, что выхлоп был направлен в сторону от меня. И хотя Надя благоразумно не подставила машину в шлейф выхлопа, но краска на кузове всё равно оказалась забрызгана сахаром. А от грохота уши заложило знатно и в голове зазвенело.

"И каждый построил себе по тюрьме,

Веря в праведность царственной лжи,

НО Я НЕ БЫЛ НИКОГДА РАБОМ ИЛЛЮЗИЙ ".

Я поймал себя на мысли, что происходящее уже было...

Было давно и осталось в прошлом прекрасным воспоминанием. Причём в куда более адекватной форме!

Девушка не удержалась от выстрела на ногах и теперь падала. Я наблюдал за ней долгую секунду. А затем захлопнул дверь машины, оставив Надю валяться на земле, и ударил по газам. Сзади слышались крики, взрывы конфетти, грохот обрушений вафельных домов и прочая неразбериха, но я да-

же не обернулся.

Я привалился к покрытой грибами стене. Системы за снегом помех почти не видел, так что понял лишь: индикатор Рабочей Веры уверенно уменьшался, он болтался на показателях 0,1351, а показатели напряженности поля Веры, наоборот, лишь увеличивались. У меня пара-тройка минут. Нужная дверь практически передо мной, что подтверждал и Брут, прыгая перед ней.

Ни одна грибница не заманит меня в своё безумие сладкими мыслями о компании. Лишь вера в себя действительно что-то стоит! Лишь вера в себя важна.

Семья, друзья, питомцы и другие – лишь стены и мебель в уютном доме жизни. Но Вера в себя – фундамент, без которого всё рухнет. И я верю в себя. Я оторвал кусок ближайшего гриба и зажевал, как безумный берсерк.

Несколько шагов, и я толкнул дверь. Она сопротивлялась – грибной коврик уперся в створку. Но стоило чуть навалиться, как щель увеличилась, и я сумел протиснуться.

Судя по формам грибкового покрытия, тут некогда находился стол для бильярда и какие-то ещё предметы для развлечения, но сейчас всё покрыла грибница. На столе пульсировало что-то... невыразимо гадостное. То ли переплетение человеческих тел в оргии, то ли сердцевина грибкового соединения. Поры подрагивали, выпуская споры. Наросты шевелились. Белёсая слизь стекала...

Не выдержав, я упал.

Вашу грибковую суть... башка гудела. Перед глазами всё плыло в радужной дымке. Жутко хотелось чихать и блевать одновременно. Во рту было погано: жуткий сушняк, который мог посоперничать с песками Сахары в полдень, отдавал сладостью, но щеки и язык от чего-то замерзли.

Только тут я почувствовал, как что-то копошится на затылке. А затем понял, что Феникс вцепился в меня, как мог, и обнял мою голову крыльями. Мой Хугин... Он больше не мог очищать большую площадь воздуха, поэтому пытался защитить меня своими крыльями. Приподнявшись на локтях, я как смог дотянулся до своего маленького защитника, попытавшись его погладить.

Брут тем временем забрался на отвратное образование и принялся рвать его своими иллюзорными зубами и когтями. Я попытался ползти к цели, но не мог. Силы почти кончились. Я переоценил себя...

И тут меня пнули в бок. Вначале не почувствовал этого. Но после второго пинка, перевернувшего меня на спину, не обратить внимания на подобное оказалось сложно. А затем мне на лицо что-то надели, и дышать сразу стало легче. Лицо я, кстати, не чувствовал, оно онемело от холода и, кажется, немного оледенело.

Я чуть проморгался и увидел, как мужик... хотя нет, правильнее: Мужик! Два метра роста и размах плеч, что не каждая дверь пропустит, и всё это за счёт мышц, позволяли первую букву делать заглавной.

Так вот, Мужик неспешно прошагал по заросшей грибами комнате, совершенно не обращая на них внимания, прошёл сразу к сердцу грибницы. В него выстрелило облако спор, но тот лишь отмахнулся и принялся потрошить сердце грибницы, вытаскивая из него одного за другим человеческие тела и неспешно их обыскивая. И он напевал:

"Стой на вершине
Рядом со мной
Там, где кружат три белых орла.
Гордость – им имя,
Дух и Покой,
А за ними лишь высь,
Лишь холодная высь,
Ни Добра, ни Зла".

Неужели меня опять начало глючить? Как ещё объяснить то, что Мужик работает спокойно и ему совершенно не мешает ни напряжение Веры, ни обилие в воздухе спор, несмотря на то, что на нем самом ни респиратора, ни противогаза. Я в принципе не заметил на нём хоть какой-то защиты, кроме полицейской формы с лычками капитана.

Я попытался сделать запрос к Системе, чтобы вывести данные о странном пришельце, и сквозь помехи сумел с трудом прочитать:

“Капитан Пронин. 41 год. Женат.
Работа: Следственный отдел полиции.
ИВ: 2. БВ: 246. МВ: 175.

Творческое развитие: усиление тела.”

Ни на миг не усомнился – данные подделка. Не знаю как, но это просто не может быть правдой. Тут Мужик прицокнул языком, добравшись до очередного тела, и спрятал что-то в карман.

Попытался подняться, но стоило мне лишь сесть, как меня замутило с новой силой. А Мужик, заметив мои телодвижения, удовлетворённо кивнул и усмехнулся:

– Его искал? – он кинул передо мной тело человека, которого только что ограбил.

И, достав несколько гранат, Мужик забросил их в разные концы комнаты. Я дёрнулся, но порыв моего инстинкта самосохранения закончился ничем. Сил едва хватило, чтобы сорвать вновь начавшие опутывать меня грибковые нити. Но боезапас оказался не боевой – из него ударили плотные струи дыма. Синеватого дыма.

И не успел я хоть что-то прохрипеть, как Мужик растворился в дыму от своих гранат. Вот ведь пафосная сволочь!

Глава 3. Или почему лучшая ложь – это правда?

– Так значит, после перехода на второй этаж запись видео прервалась по причине высокой напряжённости поля Веры? – не скрывая подозрения, уточнила мисс Спектр. – Продроны и технику это логично... они дальше лестницы так и не поднялись. Но, насколько мне известно, новые версии наручей способны выдерживать внешнюю напряжённость до 5-7 сотен РВ, а порой и больше. А тут на несколько порядков меньший показатель.

Мы с Артефактором переглянулись, после чего хором и с абсолютно честными глазами выдали:

– Вера... что с неё взять?

Мисс Спектр просканировала нас ещё более подозрительным взглядом, чем минутой ранее. Я судорожно сглотнул. Артефактор попытался выпрямиться ещё больше, но выпирающие брюшко портило всё впечатление. Это заставляло учёного нервничать сильнее, а значит, обильно потеть.

Ситуация слегка отдавала абсурдом: мы с Артефактором оказались солидарны в желании скрыть запись произошедшего в доме. Артефактор, очевидно, не стремился показывать то, как он меня подставил и попытался скормить грибнице. А вот я не хотел показывать, как спасся. Если точнее,

что мне в этом помогли – начальство может посчитать подобное моим провалом и исполнить угрозу о переводе или вообще об увольнении. Потому я прикидывался хлебушком. Чёрствым.

– Ладно, – с явной неохотой всё же кивнула начальница. – Артефактор, провести полную проверку оборудования. Мне не нужны больше такие накладки, – распорядилась она, и колючий взгляд перевели на меня. – Несуществующий, продолжим. По твоим словам, ты достиг эпицентра. Что произошло дальше?

– Там я встретил человека в полицейской форме. У него я не заметил защиты, и при этом он не выглядел заражённым. Мне показалось, он что-то искал и, возможно, даже нашёл, потому что моё появление его спугнуло, – продолжил я вдохновенно “признаваться”.

Я подумывал о том, чтобы вообще умолчать о встрече, но меня терзало два момента. Во-первых, мой спаситель очень силён! Я едва мог сопротивляться Вере грибнице, хотя заточен под это, а мой спаситель не обращал на неё внимания. Это под силу только очень мощным Критикам – меня вполне могли контролировать, потому внаглую врать я не решался. А во-вторых, если я ошибся и меня спас не Критик, то этот человек, несмотря на все его благие намерения, очень опасен, и моё начальство должно как минимум знать об этом.

– И ты его не стал преследовать? – уточнила начальница.

– У меня имелась другая задача: спасение людей от гри-

ба. Кроме того, моё оборудование начало сбоить и стоило поспешить. Потому я принял решение как можно быстрее извлечь человека, ставшего фокусом Веры. Вот только пришлось снять костюм, уж больно он неудобен для переноса тяжести. Ну а чтобы грибница меня не доконала, после исчезновения защиты я использовал гранаты с усыпляющим газом, тем самым вырубив одержимых в доме и снизив активность грибницы. После чего сделал ещё несколько ходок в дом за людьми, пока напряженность Веры не снизилась для входа других.

Да, гранаты, в дыму которых скрылся мой спаситель, оказались со снотворным. Умный ход, ибо все находившиеся на этаже, кроме меня, уснули – из-за этого снизился приток Веры и исчезли галлюцинации. Я рискнул присвоить себе данную мысль.

– И как же выглядел встреченный тобой человек? – с холодом скальпеля ударила мисс Спектр по . А я мгновенно понял, что встретил не Критика. – Имеется голоснимок?

Согласно регламенту, запись с глазного нерва должна вестись в реальном времени. Но тут я мог честно развести руками, даже без слов – поле Веры перекрыло все каналы связи. Даже Артефактор не мог наблюдать за моими похождениями на третьем этаже. Однако я постарался объяснить, как мог:

– Два метра роста. Полтора ширина плеч. Даже на вид гора мышцы. Морда просит кирпича... вернее, славянская

внешность. Надбровные дуги низкие. Лицо округлое. Глаза серого цвета. Подбородок волевой, – попытался я припомнить всё, что мог, но по описанию выходил какой-то питекантроп.

– Что-то вроде этого? – мисс Спектр одним жестом выложила передо мной на стол около дюжины фотографий.

Я всмотрелся и понял, что передо мной снимки с дронов, что окружали заражённый дом. И на них всех мой спаситель. Вот только угадать, что это он, можно лишь по фигуре, да порой по фрагменту лица – все снимки нечёткие, смазанные или под неудачными углами. Человек явно скрывался и весьма профессионально.

Но больше всего меня заинтересовал снимок в центре: мой спаситель, сфотографированный в профиль, с весёлой улыбкой и в гражданской одежде... вернее, в полувоенной кожаной одежде, с самодельной защитой и каким-то холодным оружием за спиной. Такой стиль был особо популярен в Чёрный месяц и первые полгода после. А судя потому, что на фотографии мужчина лет на десять младше того, что я видел – это фотография со времён пришествия Веры.

– Это он, – сдал я своего спасителя с потрохами и тут же полюбопытствовал. – А кто он, кстати?

– Макеев Сергей Викторович. Один из основателей Критиков... перед тем как ушёл в отставку, – мисс Спектр умолкла. Потёрла переносицу в краткий момент задумчивости и явной лёгкой ностальгии. Но взяла себя в руки меньше

чем за минуту и продолжила всё так же бесстрастно: – Главное, что тебе очень повезло выжить после встречи с ним. Если встретишь ещё раз, то постарайся тут же отступить. Он превосходит тебя на порядок в силе и умениях! И я не могу гарантировать его доброжелательность. Расследованием вашей встречи займётся специальная группа.

– А какой у него талант? – не смог сдержать я интереса. И осажённый ледяным взглядом поспешил уточнить: – Моя профессиональная гордость задета! Он ходил там, как у себя дома!

– Какие у него таланты сейчас – не знаю. Но раньше он славился тем, что умел держать слово, – моя начальница поморщилась, а затем решительно закончила: – Хватит об этом. Несуществующий, с тебя подробный отчёт о грибном деле. И... – мисс Спектр на мгновение замешкалась, словно засомневалась в правильности своего намерения, но всё же продолжила: – Молодец. Хорошо справился. А теперь оба свободны!

– Так точно, – попытался я изобразить что-то залихватское, но вместо этого поморщился от боли.

У меня ныли все мышцы: таскать людей – та ещё морока, очень тяжёлая. Но больше всего болела моя филейная часть: после прогулок в доме в одном лишь противогазе мне сделали столько укрепляющих уколов в неё многострадальную, что больно от одних лишь воспоминаний. И это ещё повезло, что я не попал в карантин – меня буквально выдернули

на отчёт.

Мы козырнули и поспешили на выход. Я немного путался в ногах, поэтому Артефактор решил поддержать меня. Подружески. Почти заботливо... мы же команда!

Даже без хорошего вида из окон мне нравилось гулять по коридорам комплекса. Здесь очень чисто, притом нестерильно как в больнице, а уютно, как дома. Много зелени, порой целые фрагменты коридора превращались в зелёные оазисы. Встречались и образцы современного или, наоборот, древнего искусства. Или даже вовсе небольшие закутки с диванчиками и столиком с печеньками.

Честное слово, когда первый раз это увидел, даже не поверил, что нахожусь в госучреждении, более того, у военных! Лишь позже я узнал, что всё это великолепие создавалось лучшими психологами для поддержания максимально творческой атмосферы. При этом не забывали и об обороне: закутки в мгновения ока могли стать огневыми точками, а искусство, зелень и прочее благолепие превратиться в оружие многочисленных творцов!

– Включи защиту от прослушки... – шепотом сквозь зубы попросил я, когда мы достаточно удалились.

Я мягко перевёл поддержку Артефактора в удержание уже со своей стороны. Он попытался дёрнуться, но я увлёк своего компаньона в один из закутков, где можно было присесть.

– Чтобы никто не слышал, как ты меня убиваешь? – возмутился учёный, но тоже шепотом, и при этом активируя

что-то на своём наруче.

– В отличие от тебя я не такой мстительный, – нехотя ответил и в подтверждение своих слов отпустил его.

Если честно, тоя бы с удовольствием набил собеседнику морду. Возможно, несколько раз. Ногами. Но если поддамся чувствам, то лишь спровоцирую новую волну негатива со стороны Артефактора. Не говоря о внимании службы внутренней безопасности. Поэтому решил смирить своё чувство справедливости и направить его в более выгодное русло:

– Я хочу, чтобы ты отработал свою подставу. Мне нужна от тебя услуга.

– Серьёзно? – не на шутку удивился Артефактор, вставший в стойку для боя. И сразу же уточнил: – И ты мне поверишь? Думаешь, я тебя не обману?

– Может, и обманешь. Шанс этого довольно велик, – признал я. – Но за последний месяц меня уже несколько раз подставляли. Не из-за злого умысла, а из-за недоверия или некомпетентности. А ты хотя и подставил меня, но сделал это профессионально, по уму – я даже не заметил, что ты испортил костюм. Поэтому хочу предложить забыть разногласия: подставили друг друга и хватит. Я забуду о недавнем инциденте. Пора заняться взаимовыгодным сотрудничеством.

– Допустим... – всё ещё неуверенно протянул Артефактор, потирая руки. – И что же ты хочешь?

– Мелочь. Мне нужно, чтобы ты выяснил всё, что возможно и невозможно, про Макеева Сергея Викторовича, – выдал

я свою цель.

– Ты ведь понимаешь, что к секретной информации у меня нет доступа? А если я попытаюсь что-то взломать, то меня посадят в холодную клетку. Так что мне нет резона рисковать. А всю открытую информацию ты можешь найти и сам, пусть и провозишься. Газеты. Интернет. В системе Критиков наверняка есть данные. Хотя большая часть и засекречена... Да и на кой он тебе сдался?

Надеюсь, уважаемый читатель, согласится с тем, что любопытство не порок. К тому же задета моя профессиональная гордость – он показал результаты лучше, чем мой иммунитет к воплощениям Веры. И я хотел учиться у него! Но главное, желал поблагодарить за помощь: спасение жизни чего-то, да стоит. Но озвучил другую, на мой взгляд, более вескую для постороннего человека причину:

– Этот человек прибыл в заражённый дом не просто так, а в поисках чего-то. Мне нужно знать, что он нашел и почему так рисковал ради этого.

– Короче, хочешь выслужиться, – пришёл к своим выводам Артефактор.

– Можешь считать так, – не стал я спорить. – А ты мне нужен потому, что две головы лучше, чем одна. Кроме того, более чем уверен, что с твоим гением не составит большого труда отследить, где живёт наша цель. Напишешь программку... ну, или изменишь чужую, для анализа видео с камер и дронов. Может, отследишь по спектру Веры. Или ещё какая

научная муть из арсенала Критиков... У них самые полные данные.

– Ты ведь понимаешь, что если мы будем использовать базы данных Критиков, то они отследят подобный запрос? – Артефактор выражал максимальный скепсис. Но одно то, что он не послал меня, а продолжает разговор, выдавало его заинтересованность и даже азарт.

– Это некритично, – отмахнулся я. Подумал и добавил: – Но не желательно.

– Кроме того, для использования упомянутых тобой программ нужен допуск секретности, как у мисс Спектр. У тебя такой есть? А то мне не особо доверяют...

Я лишь покачал головой.

Мы замолчали в задумчивости. Ситуация и в самом деле непростая. Однако Артефактор, рухнув на диванчик закутка, зажевал печенюку. Поморщился, чуть не выплюнув, а после тяжёлого вздоха вынес приговор:

– Я твоё пожелание понял... и оно вполне осуществимо. Однако, если мы действительно сотрудничаем, то что получу я за помощь? – перешел к самому неприятному для меня Артефактор.

– Я не выпущу тебя за пределы базы, – обрубил подобные поползновения. Ещё не хватало своей шеей рисковать ради любопытства и Артефактора. – Хотя готов выслушать альтернативы.

– Мне нужно десять пачек чипсов, восемь литров газии-

ровки, три упаковки эклеров и артефакт с напряженностью не меньше трёх единиц Рабочей Веры любой направленности, – выпалил свои условия мой новый интеллектуальный помощник.

– Эээ... для начала, зачем тебе набор четырнадцатилетнего подростка, который впервые остался один на целый день дома? – решил уточнить я самое безобидное.

– Я работаю на базе и живу тут же, в жилой части. Питаюсь в столовой... но это, черт его побери, военная секретная база, так что здесь недостать ни чипсов, ни сладкого! А моему мозгу нужен сахар и вкусоности! И я не могу их получить! А значит, если ты не хочешь, чтобы я тебя убил на очередном задании, будешь мне это таскать! – безапелляционно заявил пухлый гений, а я от такого напора аж отшатнулся.

– Понял. Без вопросов, – решил я не нагнетать по пустякам. – А зачем тебе тогда артефакт? Тем более такой мощный? И почему ты не можешь запросить его из хранилищ Критиков? Да и ты сам можешь подобное создать, Артефактор.

– Ещё я буду тратить своё время и Веру! После последнего дела у меня итак её немного. А мощность в 3 РВ – минимальная необходимая, для обеспечения моего проекта. Личного проекта, про который Критикам знать не обязательно, так же как и о твоих исследованиях.

Я кивнул. Требование вполне резонное. А с учётом того, что смогу принести артефакт на свой выбор – это умень-

шает возможность диверсии. Кроме того, мощность хоть и приличная, но почему-то уверен – этого недостаточно, чтобы Артефактор сбежал: защита базы должна выдерживать и больше мощности.

– Ты ведь понимаешь, что поиск артефакта может занять некоторое время? – нехотя попытался я выбить отсрочку.

– Понимаю. У тебя на это неделя. Я готов пойти навстречу и показать свою полезность. Вот только, чтобы наиболее эффективно выполнить твою просьбу, мне нужно будет тебя предать.

Глава 4. Или почему дома порой опаснее, чем на работе?

– Выглядишь пожевано, – встретил меня комментарий, стоило мне выйти из картины в прихожей своего дома.

И да, с работы я возвращался через картину. Небольшое послабление работникам, ибо живут они по всей стране и порой задерживаются допоздна на службе, поэтому доставка из галереи сразу домой. Как дополнительный плюс – невозможно опоздать на работу... хотя и сослуживцы могут припереться в любой момент.

Моим порталом выступала работа неизвестного художника, изображавшая зимний лес и стаю волков у водопада на отдалении. Красиво и уютно... только холодно, да и волки при каждом посещении пытаются напасть.

– Не поверишь, душа моя, но ты права – меня за сегодня успели съесть, – скинув обувь, прошёл на кухню и мешком повалился на стул. – А ещё отравить галлюциногенными спорами. Ну и как обычно чуть не уволили.

Я самым наглым образом утащил со сковороды котлету и закинул её в рот целиком. Сразу понял, что я дурак, а котлета очень горячая. Но меня это не остановило, лишь заставило активнее работать челюстями. Было горячо, но вкусно... особенно с учётом того, что целый день ничего горячего не

ел, а часы показывали уже одиннадцатый час ночи.

На грани слышимости бубнил телевизор на канале новостей. Рассказывали, что в Англии нашли Экскалибур. Уже четвёртый за всё время... Парламент ищет эксперта, который сможет подтвердить подлинность хоть одного из мечей. А тем временем в стране назревает гражданская война: у каждого из претендентов есть своё лобби.

– Хватит таскать! А ну быстро иди мойся, переодевайся и садись нормально есть! – припечатала Надя, моя подруга по жизни,огрев меня ложкой по руке, когда я потянулся за очередной котлетинкой. – И не делай жалостливые глаза, ты за неделю минимум дважды на грани смерти оказываешься, так что нечего ныть.

– Злая ты, – с обречённостью констатировал я, поднимаясь с места и осматривая богатство из котлеток, макарон и салата из свежих овощей, что сама Надя безжалостно уничтожила. Похоже, девушка пришла ненамного раньше меня.

Я подчинился тираническим требованиям и пошел приводить себя в порядок, пусть от дурманящего запаха еды желудок недовольно бурчал. После сегодняшней галлюцинации с участием Нади я окончательно уверился, что сделал правильный выбор – она прочно поселилась в моём сердце. Собственно, в этом я и не сомневался с пресловутого дела о джинне, когда девушка ради меня пошла против всех и вся! Но тем не менее, быт порой заставляет забыть даже о таком счастье, особенно если вы начинаете жить вместе.

Всё заняло не больше пятнадцати минут, настолько я оказался голоден. И моё усердие оказалось вознаграждено тем, что когда вернулся на кухню, то в дополнение на плите закипал чайник, а Надя резала бутерброды.

– Ваше приказание выполнено, – я осторожно чмокнул девушку в щёку и занял стул перед сковородкой с остатками бывшего пиршества. – А у тебя как прошёл день? Ты какая-то смурная сегодня.

– Да так себе... почти все Редакторы укатили на дойку звёзд, политиков и прочей шушеры... а меня не взяли.

Я сочувственно закивал. Под “дойкой” подразумевался сброс излишков Веры всяких медийных личностей. Обычным людям в этом плане хорошо, они редко когда могут накопить достаточно много веры, чтобы она их поглотила. Такое бывает лишь в крайних случаях, если воля у человека слабая или совсем его доведут. Со всякими “звёздами” сложнее – какие бы меры предосторожности ни предпринимали компетентные органы, но в мире, где есть интернет, телевиденье и почти мгновенные перелёты на самолётах, информация разносится быстро, а значит, и Вера в некоторых людей подобна пожару. Она им безусловно нужна: как политику работать, если его не знает электорат, или выступать артисту без аудитории? Но как бы силён морально ни был человек, у всех есть пределы, и даже светлая вера может привести к одержимости. Поэтому таких “звёзд” массмедиа оценивают психологи, чтобы понять, какой примерно лимит Веры мо-

жет выдержать тот или иной индивид. И когда человек приближается к нему, то его отправляют на “дойку” – куда-то в безлюдную глушь творить своей Верой что-то на благо народа. Благотворительность никто не отменял. Вот и сейчас группа политиков и звёзд экрана, недостаточно смелые, чтобы сражаться со злыми воплощениями Веры, но не желающие стать одержимыми, в каком-нибудь колхозе, где навоза больше чем земли, при помощи способностей возводят свинарники или коровники под присмотром Редакторов.

– Плюс мелочь. Опять с Шуруповым пособачились. Этот педант ничего и слышать не хочет о том, чтобы отступить от правил и попробовать по-моему. Между прочим, на тебя ругается, что ты работника в моём лице испортил, – сдала своего нового напарника с потрохами девушка.

– Упустили кого-то важного? – решил уточнить я в перерывах закидывая еду в топку.

– Через наш город проходит подпольная партия артефактов древнего Египта. И нам нужно отследить её и взять, пока не ушла, или часть товара не скинули на руки частных коллекционеров. Или, что ещё хуже, они не попали к каким-нибудь фанатикам. У нас уже два месяца одержимых в городе не было, и они нам совершенно не нужны!

– Скучно вы живёте, – посетовал я, хотя и был искренне рад, что девушке не приходится излишне рисковать на работе.

– Скучно, не скучно. Но за последние полгода с момента

твоего ухода количество происшествий снизилось на 15%! – припечатала девушка.

– Провокация! – сделал я морду кирпичом. – А в чём проблема с поисками? Подключите полицию. Пророков наших задействуйте. В конце концов, поднапрягите адептов Последней Книги, они вам с радостью помогут!

Как ни парадоксально, но то, что основатель церкви последней Книги получил силу бога и свалил за грань реальности, не поставило крест на данном учении. Более того, оно вдохнуло в него новую силу: как же, самый верный последователь сумел обрести могущество и отправился на встречу с создателем – это ли не то, что обещает любая религия? А если это сумел сделать основатель, то смогут и другие!

Правительство вовремя подсуетилось и перехватило контроль над церковью Последней Книги. Так что можно считать, появился ещё один орган работы с Верой, пусть больше и пропагандистского толка.

– Они и так на нас работают всюю, но этого мало, – вздохнула девушка. – Нужна связь с криминалом... а Шурупов и слышать об этом не хочет! Он и так матерится каждый раз, когда вспоминает, как мы вылавливали бандитов после побоища с богом.

Эм... да, тогда нехорошо получилось. Захватывать Артефактора, ну и меня вместе с джинном, в последний бой прибыли обе группировки: и Художника Финта, и Геймера – практически в полном составе. И в том же составе были либо

уничтожены, либо пойманы. Сбежать удалось лишь Геймеру с несколькими приближёнными. Их пытались выловить почти месяц... Долго и нудно. Редакторы Веры с ног сбились! И всё зря... если не считать, что выловили пару мелких бандитов, которые хотели занять освободившуюся территорию. И теперь вновь искать бандитов, но уже для того, чтобы просить помощи... даже не смешно.

– Так поступи проще и иди сразу к Шефу, – пожал я плечами. – Напомни ему про Маргинала. Он полгода маринуется в тюрьме. Думаю, ему уже можно предлагать сделку. Мы его раньше использовали, так пусть и сейчас послужит.

– Полагаешь, он сможет выйти на привезённый товар? – скепсиса в словах Нади было больше, чем грусти в моих глазах, когда я понял, что ужин неожиданно кончился.

– Про товар не скажу, но вот на людей Геймера и его самого вполне. Сдавать их он, разумеется, не станет, но вот наладить сотрудничество с ним – вполне возможно. Если, конечно, сумеете договориться.

– А это мысль! Стоит попробовать, – возликовала девушка и в несколько движений оказалась у меня на коленях, поцеловала в жирную от котлет щёку. – А ещё можно отвести его к Радаманту... ну, к тому судье душ, которого ты обнаружил в крематории. Он сможет утвердить сделку, прочитав душу Маргинала.

– Вот тут я бы не торопился. Маргинал хоть и хочет на свободу, но загонять его в новую клетку – идея не лучше. Он

не пройдёт испытание честностью – попытается сбежать, и конфликт начнётся раньше, чем вы приступите к делу.

– Учту, – кивнула девушка. – Ты у меня самый умный!

– Самой собой! Не зря же я Критик, – гордо заявил, с грустью наблюдая, как последняя котлета исчезает по воле Нади.

– Лучше скажи, когда ты меня уже с ЛК познакомишь? – девушка не скрывала усмешки. – У меня уже почти десяток заказов на его автограф!

– Кто бы меня с ним познакомил? – попытался за шуткой и смущенной улыбкой увильнуть от ответа.

Тот самый неловкий момент, когда даже помимо воли работа входит в конфликт с личной жизнью и приходится врать. ЛК – это сокращение от Легендарный Критик. Пафосно, конечно, но сильнейшему в стране Критику, а возможно, и вообще существу в мире, можно быть немного с завышенной самооценкой. Для выживания полезно.

Согласно легендам, слухам и непроверенным данным, ЛК имел уровень веры в десятки тысяч единиц Истинной Веры, обладал всеми возможными и невозможными способностями и мог чихом разнести планету, одной рукой собрать осколки, плевком склеить, а дыханием возродить всю жизнь. С учётом того, что никто не знал истинную личность этого ЛК, слухи лишь множились, а с ними и Вера...

И всё это было даже в какой-то степени правдой. ЛК за последние полгода помог решить четыре очень крупных кон-

фликта, а также выступил нейтральной стороной в решении одного из конфликтов за рубежом. И когда я говорю о крупных конфликтах, то масштаб идёт от уничтожения города до уничтожения мира.

Вот только... ЛК не существовало. Когда я стал Критиком, то узнал, что ЛК не личность, а должность. Должность, которую получал тот или иной Критик в зависимости от масштаба проблем и требующихся способностей. Например, мисс Спектр помогала решить международный конфликт, о котором я упоминал ранее, примерив данную мантию.

Получив должность, а с ним наряд и множество атрибутов, Критик получал также и Веру. Поистине гигантское количество Веры, накопленное из слухов, баек, новостей и вообще всех средств информации, работающих на целой стране. С этой Верой можно было горы превращать в равнины... вот только недолго – одержимость при таком уровне приходила даже к самым сильным за считанные часы или даже минуты. Поэтому мантия ЛК снималась сразу же после выполнения того или иного задания.

Однако имелось и кое-что покруче: имелись слухи о существовании некоего плана “Т”. Почему “Т”? Что он из себя представлял? Кому хотя бы он служил и был подвластен? Неизвестно. Эдакий “последний рояль в кустах”, даже если “бог из машины” в роли ЛК не справится. Лично я в это не верил... и даже не потому, что не видел сам, а потому, что даже у Веры есть пределы.

Однако информация была секретная, и я не мог её разглашать даже своей девушке.

– Лучше расскажи, почему опять чуть не уволили? – Надя отнесла моё молчание и смущение на счёт неудачного рабочего дня и в ответ попыталась поддержать: – Признавайся, что опять начудил?

Девушка, значительно повеселев, принялась разливать чай. Мой маленький Редактор...

Если честно, то разницы между Редакторами Верами и Военными Критиками почти нет: мы работаем на государство и ловим тех, кто использует Веру незаконно, и устраняем спонтанные проявления Веры. Да что там, я сам буквально полгода назад был Редактором!

Однако Редакторы работают на уровне города или региона, а Критики в масштабах страны и даже за рубежом. Неплохая аналогия полиции и ФСБ... ну, или армии. Поэтому и масштаб проблем, с которыми встречаются Критики, порой на порядок превосходит бытовые.

Я задумался: грузить спутницу своими проблемами не хотелось... но мне действительно требовался если не совет, то хотя бы поддержка, поэтому я нехотя признался:

– Сегодня снова с напарниками поссорился. Начальство в бешенстве настолько, что послало на самоубийственное задание. Но что хуже всего, я, кажется, нашёл того, с кем мне интересно было бы работать... вот только он ушел от Критиков и, похоже, враждует с ними.

Аромат трав и ягод разлился по нашей небольшой кухоньке. Надя презирала все продаваемые чаи за их “искусственность”, поэтому готовила исключительно собственные сборы, благо талант понимать и управлять растениями в этом немало помогал. И я не мог не признать, что получалось у неё замечательно. От одного нежного, чуть игривого запаха становилось спокойнее на душе. А стоило пригубить напиток, как по телу разливалась нега и расслабление. Заботы дня чуть отходили в сторону, позволяя насладиться моментом и приятной компанией. Секунды спокойствия и счастья...

Тут в кухоньку, цокая коготками и оставляя заметные царапины на линолеуме, вбежал угольно чёрный кот. Кот был матёрый, о чем тонко намекали костяные пластины по всему телу и шипы вдоль загривка. Глаза его сияли пламенем бездны, а от “мява” сердце уходило ниже ватерлинии. И это маленькое чудовище принялось тереться о ноги Нади, умиленно задрав голову и мурча – прохвост знал, что когда хозяйева поели, то пришло время и его кормёжки.

– Пушистик, лапочка моя, сейчас всё будет, – девушка соскочила с меня и погладила адского котика по голове, лишь чудом не поранившись. После чего поспешила к холодильнику, параллельно обратившись ко мне: – Я давно тебе говорила, ты лезешь в чужой монастырь со своим уставом. Это неразумно!

– Но ведь у Редакторов прокатывало!

– Так то у Редакторов! Ты там почти с основания. За ру-

ку с начальством здороваешься. Это местный филиал! И то тебя столько раз пытались турнуть, что не сосчитать! А теперь ты Критик, – девушка сказала это так, словно это приговор всем моим мечтам, надеждам и чаяньям. – И сам знаешь, что ты неуживчивый одиночка. Но тебе нужно учиться доверять другим и работать в команде. А для этого сначала нужно перестать считать всех вокруг идиотами и относиться к ним соответственно. Это не нравится людям.

– Сами виноваты, – пожал я плечами. – Чужие заслуги я тоже признаю. Например, сегодня договорился о сотрудничестве с Артефактором – он теперь мой новый технический сопровождающий.

Коровья нога... вернее, её кость с хрустом перемалывалась мощными челюстями и стремительно пропадала в чреве Пушистика. Девушка с умилением смотрела на питомца, а я припоминал, куда убрал револьвер и стоит ли сегодня его прятать под подушку, или и ножом отмахуюсь?

– Псих, – без особого удивления прокомментировала моё признание Надя. – И да, ты признаешь заслуги... вот только они должны превосходить твои собственные. А это, видишь ли, непросто, по себе знаю. Тебе бы снизить планку отсева – вдруг кто-нибудь сумеет показать себя не сразу, а со временем. Ты же тоже не с первого дня полез с богами бодаться!

– В том-то и проблема! Критики должны быть по определению более опытными – это же Критики. Зачем мне подстраиваться под тех, кто менее эффективен?

– Ты себя-то слышишь? Критики – тоже люди. А люди совершают ошибки. Легендарными Критики могут быть только на расстоянии. Да что там, я более чем уверена, что ты опытнее большинства своих коллег: ты сталкивался со всякой дичью не меньше их, но с куда меньшими ресурсами – поэтому и работаешь эффективнее.

– Не эффективнее того, кого я сегодня встретил... он, пожалуй, единственный, кто достоин звания Критика. Пусть начальство на него странно отреагировало, но он действительно сильный и умелый.

– Так в чём проблема? Нужно всего лишь сделать так, чтобы тот, кого ты встретил, вернулся к Критикам. Тогда ты сам себе найдёшь достойного напарника.

Идея была настолько бредовая и абсурдная... что меня неожиданно захватила. А почему, собственно, нет? Вместо того чтобы мне разрываться меж двух возможностей, не лучше ли их объединить? Макеев – один из основателей Критиков, и его возвращение принесёт немало пользы как организации, так и мне лично.

Осталась сушая мелочь: вернуть на службу ушедшего в отставку Макеева, если он ушел сам. А если не сам, то убедить целую госорганизацию, что им кровь из носа как нужен такой человек, как Макеев. Знать бы ещё в чем проблема конфликта.

– Кстати, тебе привет передавали, – вырвала меня из тяжёлых дум девушка.

Мы как раз покинули кухню и укладывались спать. Пушистик не отставал и, наевшись, устроился в углу, умывая свою окровавленную мордочку, отчего по комнате разносился звук работающего наждака.

– Да? Кто? Шеф по мне соскучился? – немного оживился я.

– Шеф? Он каждый день тебя вспоминает, вознося хвалу небесам, что от тебя избавился. Он вчера обещал нам премию, ибо “некоторые индивиды не рушат всё на своём пути, вот в бюджете и стали водиться деньги”.

– Вот ведь старый хрыч, – с ностальгией буркнул я, думая, что стоит навестить старика: вдруг повезёт, и его инфаркт прихватит?

– Нет, тебе привет передавала Маша. Она сегодня к нам вновь приходила отметитья.

На эти слова я скис. Стыдно признаваться, но с момента воскрешения моей бывшей девушки я её ни разу не видел. Хотя она и предлагала встретиться... но я самым наглým образом отговаривался, или отмалчивался, или... короче делал всё что угодно, лишь бы не встречаться. Я банально не знал, о чём с ней говорить. Я не знал, зачем мне... да и ей это. Это было подло, но я просто не мог пересилить себя.

– Я, между прочим, договорилась о встрече для вас. Завтра в восемь часов “У Семёныча”. И не обсуждается! Мне надоело смотреть, как ты изводишь себя, бегая от неё!

– Завтра не могу! – взбрыкнул я. – У меня на завтра важ-

ное задание. Не знаю, когда освобожусь... И освобожусь ли вообще, – как-то немного сник.

Если всё получится так, как мы с Артефактором запланировали, то уже завтра я навещу Макеева. Но вот чем эта встреча закончится, сказать не мог.

– Что ещё за задание? – недовольно нахмурилась Надя, явно подозревая меня в очередной попытке сбежать.

– Прости, душа моя. Но я не могу ничего сказать. Если всё пройдет хорошо – поведаю, а сейчас нет. Вдруг сглажу.

– Опять что-то самоубийственное затеял, – вздохнула девушка, и меня утянули на свежестеленную постель. – Встречу с Машей перенесу на послезавтра. И больше никаких отговорок. Хоть конец света, но чтобы был на месте! – пригрозила она. – А теперь займись делом, чтобы завтра лишних мыслей не было!

– Но я устал... – крик отчаянья был нагло опровергнут зовом плоти. Мне ничего не оставалось, как подчиниться сладостному моменту.

Глава 5. Или почему окна – это маленькие двери? Часть 1.

Информации о Сергее Макееве оказалось много. Хотя репортёры окрестили его Глагол. Должен заметить, это прозвище ему очень подходило. Чувствовалась в нем эдакая твёрдость. Сказано – сделано! Такой человек просто так трепаться не будет, и каждое слово равняется делу. Перекрёстный поиск по имени и фотографии принёс множество статей, но по большей части он упоминался там мельком, как один из участников действий.

Однако из них я узнал, что Глагол участвовал в таких важных событиях, как штурм Кремля и уничтожение одичавших политиков. Зачистки соборов с истово верующими. Истребление обезумивших писателей, художников и прочих невменяемых. Вылазки в зоны заражения Верой в центре Питера и Москвы. И это только самое основное. Десятки заданий только в открытой прессе.

В архивах Критиков информации обнаружилось на порядок больше. Там почти сотня томов информации! Подробной! И совершенно секретной... Как то, что Глагол минимум трижды примерял мантию Легендарного Критика.

На знакомство с половиной того, что обнаружила программа поиска Артефактора, у меня ушло всё утро. А ближе

к обеду мы запустили наш план.

– Мисс Спектр, разрешите? – раздался из динамиков голос Артефактора.

При этом в правом верхнем углу экрана, с которого я читал, появилось изображение кабинета моей начальницы. На компьютер в лаборатории, где обосновался Артефактор, а сейчас сидел я, поступал прямой поток данных с его наруча.

– Заходите, господин Чунаев. У вас какое-то дело? – не отрываясь от бумаг, поинтересовалась мисс Спектр. – Хотите запатентовать новое изобретение? Помните: каждое – минус год к вашему сроку.

– Не в этот раз, – Артефактор поморщился от подобного, судя по всему, давно доставшего его приветствия.

– Зря, зря. До сих пор не понимаю, почему вы не запатентовали своё устройство по удалению Веры? Мы, Критики, с удовольствием вдвое бы скостили ваш срок за него. Тем более что вы сами мечтали уничтожить Веру, а тут такое распространение будет!

– Я хочу уничтожить Веру, а не мир, посредством развязывания войны. Если дам вам такое оружие, то это будет просто огромный перевес сил для нашей страны! А это может привести к тому, что остальные государства потребуют технологии. Наши откажут и... – продолжать не стоило. Приход Веры лишь усугубил отношения между странами: теми, что остались на карте. Артефактор спокойно устроился в одном из кресел. Он хоть и опасался мою начальницу, но старался

этого не показывать. – Я относительно Несуществующего.

– Неужто хотите оправдаться за то, что не сумели оставить его в заражённом доме? – подняла голову от бумаг и чуть пристукнула по столу ручкой моя начальница. – Он выbralся, да ещё и выполнил задание, а это не то, о чём я вас просила.

Я аж скрипнул зубами на данной фразе. Были, конечно, предположения, что Артефактор действовал не только в своих интересах, когда сломал костюм. Да и он намекал на это. Но я ожидал молчаливого покровительства, а не столь наглого приказа!

Закинул в рот сразу горсть чипсов. Да, я выполнил заказ Артефактора и притащил ему целую гору всяких вкусов, добавив ещё и от себя – для подтверждения добрых намерений.

– Я предупреждал, что у него сильный иммунитет, и ваша затея может не сработать. Даже штатные предсказатели и аналитики не давали вам гарантии. Поэтому своей вины не вижу, – отрезал Артефактор, хотя голос его и дрогнул. – Если хотите его сломать и заставить действовать по-своему, то вам нужно что-то получше одержимого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.